

ЧИТАЙТЕ КНИГУ,
СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!

Продано более
1 000 000
экземпляров книг
Джоджо Мойес
на русском
языке!

ДЖОДЖО
МОЙЕС

ДО
ВСТРЕЧИ
С ТОБОЙ

и

До встречи с тобой

Джоджо Мойес

До встречи с тобой

«Азбука-Аттикус»

2013

Мойес Д.

До встречи с тобой / Д. Мойес — «Азбука-Аттикус», 2013 — (До встречи с тобой)

ISBN 978-5-389-06550-5

Лу Кларк знает, сколько шагов от автобусной остановки до ее дома. Она знает, что ей очень нравится работа в кафе и что, скорее всего, она не любит своего бойфренда Патрика. Но Лу не знает, что вот-вот потеряет свою работу и что в ближайшем будущем ей понадобятся все силы, чтобы преодолеть свалившиеся на нее проблемы. Уилл Трейнор знает, что сбивший его мотоциклист отнял у него желание жить. И он точно знает, что надо сделать, чтобы положить конец всему этому. Но он не знает, что Лу скоро ворвется в его мир буйством красок. И они оба не знают, что навсегда изменят жизнь друг друга. В первые месяцы после выхода в свет романа Джоджо Мойес «До встречи с тобой» было продано свыше полумиллиона экземпляров. Книга вошла в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», переведена на 31 язык. Права на ее экранизацию купила киностудия «Метро-Голдвин-Майер». Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-389-06550-5

© Мойес Д., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог	6
1	9
2	17
3	25
4	34
5	44
6	52
7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джоджо Мойес

До встречи с тобой

ME BEFORE YOU

by Jojo Moyes

Copyright © Jojo Moyes, 2012

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© А. Киланова, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Чарли с любовью

Пролог

2007

Когда он выходит из ванной, она просыпается. Откинувшись на подушки, она листает туристические буклеты, лежащие рядом с кроватью. На ней одна из его футболок, длинные волосы спутаны, навевая мысли о прошлой ночи. Он стоит, наслаждаясь мимолетным воспоминанием, и вытирает голову полотенцем.

Она отрывает взгляд от буклета и надувает губы. Пожалуй, она немного старовата, чтобы надувать губы, но они встречаются не так долго, чтобы это раздражало.

– Нам так уж обязательно карабкаться в горы или висеть над ущельями? Это наш первый настоящий совместный отдых, а здесь нет ни единого маршрута, где не придется откуда-то прыгать или, – она нарочито вздрагивает, – носить флис.

Она бросает буклеты на кровать и вытягивает над головой загорелые руки. Ее голос слегка охрип – свидетельство бессонной ночи.

– Как насчет роскошного спа на Бали? Можно валяться на песке... нежиться часами... расслабляться долгими ночами...

– Мне не по душе такой отдых. Мне необходимо чем-нибудь заниматься.

– Например, прыгать с самолета.

– Сперва попробуй, потом критикуй.

– Если ты не против, я все же предпочту критиковать, – кривится она.

Чуть влажная рубашка липнет к его коже. Он проводит расческой по волосам и включает сотовый телефон, морщась при виде списка сообщений, которые тут же начинают выскакивать на маленьком экране.

– Ладно, – говорит он. – Мне пора. Не забудь позавтракать.

Он склоняется над кроватью, чтобы поцеловать ее. От нее веет теплом, духами и непритворной сексуальностью. Он вдыхает аромат ее затылка и на мгновение забывается, когда она обнимает его за шею и тянет вниз.

– Так мы куда-нибудь поедem в эти выходные?

– Зависит от сделки. – Он неохотно высвобождается. – Пока все в подвешенном состоянии. Возможно, мне придется отправиться в Нью-Йорк. В любом случае как насчет приятного ужина где-нибудь в четверг? Ресторан на твой выбор. – Он тянется за кожаными мотоциклетными перчатками, висящими на двери.

– Ужин, – шурится она, – с мистером Блэкберри¹ или без?

– Что?

– С мистером Блэкберри я чувствую себя третьей лишней. – Снова надутые губы. – Как будто он соперничает со мной за твое внимание.

– Я выключу звук.

– Уилл Трейнор! – восклицает она. – Ты должен выключать его хотя бы изредка.

– Я выключил его прошлой ночью, забыла?

– Только под давлением.

– Теперь это так называется? – усмехается он.

Он натягивает перчатки. Лисса наконец теряет власть над его воображением. Он перебрасывает мотоциклетную куртку через руку и посылает ей с порога воздушный поцелуй.

На его «блэкберри» двадцать два сообщения, первое пришло из Нью-Йорка в 3.42. Какая-то юридическая проблема. Он спускается в лифте на подземную парковку, пытаясь войти в курс ночных событий.

¹ «Блэкберри» – марка смартфонов. (Здесь и далее прим. перев.)

– Доброе утро, мистер Трейнор.

Охранник выходит из своей кабинки, защищенной от непогоды, хотя здесь нет никакой погоды. Уилл иногда гадает, чем он занимается там в предрассветные часы, глядя на экран видеонаблюдения и блестящие бамперы машин стоимостью 60 тысяч фунтов, всегда безупречно чистые.

– Как там на улице, Мик? – спрашивает он, натягивая кожаную куртку.

– Кошмар. Льет как из ведра.

– Серьезно? – Уилл останавливается. – Мотоцикл отменяется?

– Увы, сэр, – качает головой Мик. – Если вы не хотите поставить его на поплавки. Или разбиться.

Уилл смотрит на свой мотоцикл и стягивает кожаные перчатки. Что бы там Лисса ни думала, он не любитель напрасного риска. Он отпирает багажник мотоцикла, убирает в него перчатки, запирает и бросает ключи Мику, который умело ловит их одной рукой.

– Засунь мне под дверь, хорошо?

– Нет проблем. Вызвать такси?

– Не надо. К чему тебе мокнуть?

Мик нажимает кнопку автоматической решетки, и Уилл выходит наружу, подняв руку в знак благодарности. Темно, грохочет гром, но дороги Центрального Лондона уже забиты машинами, хотя едва минуло семь. Он поднимает воротник и шагает по улице к перекрестку, где проще всего поймать такси. Дороги скользкие от воды, серые отблески играют на зеркале мостовой.

Он мысленно бранится, заметив других людей в костюмах на краю тротуара. И когда только весь Лондон начал просыпаться в такую рань? Всем пришло в голову одно и то же.

Он размышляет, где лучше встать, когда звонит телефон. Это Руперт.

– Уже еду. Как раз пытаюсь поймать такси.

Он видит на противоположной стороне улицы приближающееся такси с оранжевым огоньком и направляется к нему, надеясь, что никто его больше не заметил. Мимо проносится автобус, а за ним грузовик, визжа тормозами и заглушая слова Руперта.

– Ничего не слышу, Рупи, – перекрикивает он шум машин. – Повтори.

Он на мгновение замирает на островке безопасности, машины рекой текут мимо, мерцает оранжевый свет, и он поднимает свободную руку, надеясь, что водитель разглядит его сквозь проливной дождь.

– Позвони Джеффу в Нью-Йорк. Он еще не спит, ждет тебя. Мы всю ночь пытались до тебя дозвониться.

– Что случилось?

– Юридическая проволочка. Две статьи договора... тянут время... подпись... бумаги... – Голос тонет в шуме проезжающего автомобиля, шины шуршат по мокрому асфальту.

– Ничего не понимаю.

Таксист заметил его. Машина сбрасывает скорость и останавливается на противоположной стороне, взметнув фонтан воды. Он замечает мужчину чуть дальше, который бросается к такси, но разочарованно останавливается, сообразив, что Уилл успеет раньше. Он испытывает чувство подленького торжества.

– Слушай, пусть Келли оставит бумаги на моем столе, – кричит он. – Я буду через десять минут.

Он смотрит по сторонам, нагибает голову и пробегает несколько последних шагов к такси. На кончике его языка уже вертится «Блэкфрайарз»². Дождь затекает между воротником

² Блэкфрайарз – железнодорожный вокзал и станция метро в лондонском Сити.

и рубашкой. Он промокнет, прежде чем доберется до офиса, хотя идти совсем недалеко. Возможно, придется послать секретаршу за новой рубашкой.

– И нужно еще разобраться с этой проверкой благонадежности, пока Мартин не начал...

Он поднимает взгляд, услышав скрежет, оскорбительный рев гудка. Видит бок блестящего черного такси впереди, водитель уже опускает окно, и что-то не вполне различимое на краю поля зрения, несущееся к нему на невероятной скорости.

Он поворачивается и в эту долю секунды понимает, что стоит на его пути и никак не успеет убраться с дороги. От удивления он разжимает пальцы, и «блэкберри» падает на землю. Он слышит крик, возможно свой собственный. Последнее, что он видит, – кожаная перчатка, лицо под шлемом, удивление в глазах мужчины – зеркальное отражение его удивления. Взрыв – и все разлетается вдребезги.

Дальше – ничего.

1

2009

От автобусной остановки до дома сто пятьдесят восемь шагов, но они могут растянуться до ста восьмидесяти, если вы не спешите, например, если на вас туфли на платформе. Или туфли из благотворительного магазина с бабочками на носках, но недостаточной поддержкой пятки, которая объясняет их потрясающую цену в 1,99 фунта. Я повернула за угол на нашу улицу – шестьдесят восемь шагов – и увидела краешек дома – пятикомнатного дуплекса в ряду других четырех- и пятикомнатных дуплексов. Папина машина стояла на улице, а значит, он еще не уехал на работу.

Позади меня солнце садилось за замком Стортфолд, темная тень, будто тающий воск, скользила по склону холма, пытаясь меня затопить. В детстве наши длинные тени устраивали перестрелки и улица превращалась в кораль «О. К.»³. В какой-нибудь другой день я могла бы рассказать, что приключалось на этой дороге, где папа учил меня кататься на двухколесном велосипеде, где миссис Догерти в съехавшем парике пекла для нас валлийские оладьи, где одиннадцатилетняя Трина засунула руку в изгородь и потревожила осиное гнездо, после чего мы с визгом бежали до самого замка.

Трехколесный велосипед Томаса лежал, перевернутый, на дорожке. Закрывая за собой калитку, я затащила его под крыльцо и открыла дверь. Тепло ударило меня, словно подушка безопасности, – мама не выносит холода и держит отопление включенным круглый год. Папа вечно распахивает окна и ноет, что она доведет нас до разорения. Он говорит, что наши счета за отопление больше, чем ВВП маленькой африканской страны.

– Это ты, милая?

– Ага. – Я повесила куртку на колышек, среди других курток.

– А кто именно? Лу? Трина?

– Лу.

Я заглянула в гостиную. Папа лежал лицом вниз на диване, засунув руку глубоко под подушки. Томас, мой пятилетний племянник, сидел на корточках и пристально наблюдал за ним.

– «Лего». – Папа обратил ко мне лицо, багровое от напряжения. – И почему только проклятые детали такие мелкие? Ты не видела левую руку Оби-Вана Кеноби?⁴

– Она лежала на DVD-плеере. Похоже, он поменял местами руки Оби и Индианы Джонса.

– У Оби не может быть бежевых рук. Нужно найти черные руки.

– Какая разница? Разве Дарт Вейдер⁵ не отрубил ему руку во втором эпизоде? – Я ткнула пальцем себе в щеку, чтобы Томас поцеловал ее. – Где мама?

– Наверху. Ого! Монета в два фунта!

Я подняла глаза, заслышав знакомый скрип гладильной доски. Джози Кларк, моя мать, не знает ни минуты покоя. Это дело чести. Как-то раз она стояла на приставной лестнице и красила окна, время от времени останавливаясь, чтобы помахать нам рукой, пока мы ели жаркое на ужин.

– Ты не поищешь эту чертову руку? По его настоянию я ищу ее уже полчаса, а мне нужно собираться на работу.

³ Перестрелка в корале «О. К.» – знаменитая перестрелка, состоявшаяся в 1881 году в аризонском городке Тумстоун между братьями Эрп и бандитами.

⁴ Оби-Ван Кеноби – персонаж киноэпопеи «Звездные войны», придуманный американским кинорежиссером Джорджем Лукасом. (Прим. ред.)

⁵ Дарт Вейдер – центральный персонаж «Звездных войн». (Прим. ред.)

– Ночная смена?

– Ага. Уже половина пятого.

– Вообще-то, половина четвертого, – посмотрев на часы, сказала я.

Он вытащил руку из-под подушек и бросил недоверчивый взгляд на часы:

– Тогда почему ты вернулась так рано?

Я неопределенно покачала головой, как будто не вполне поняла вопрос, и прошла на кухню.

Дедушка сидел в кресле у окна, изучая sudoku. Патронажная сестра сказала, что это полезно для концентрации, помогает сосредоточиться после инсультов. Похоже, никто, кроме меня, не замечал, что он просто заполняет квадратики первыми попавшимися цифрами.

– Привет, дедуля.

Он поднял взгляд и улыбнулся.

– Чашечку чая?

Он покачал головой и приоткрыл рот.

– Чего-нибудь холодненького?

Он кивнул.

Я открыла дверцу холодильника.

– Яблочного сока нет. – Я припомнила, что яблочный сок слишком дорогой. – Как насчет «Райбины»?⁶

Он покачал головой.

– Воды?

Он кивнул и пробормотал нечто отдаленно похожее на «спасибо», когда я протянула ему стакан.

Мать вошла в комнату с большой корзиной аккуратно сложенного белья.

– Это твое? – помахала она парой носков.

– Вроде бы Трины.

– Я так и думала. Странный цвет. Похоже, на них полиняла папина фиолетовая пижама. Ты рано вернулась. Куда-нибудь собираешься?

– Нет. – Я налила в стакан воды из-под крана и выпила.

– Патрик зайдет вечером? Он недавно звонил. Ты отключила сотовый телефон?

– Не-а.

– Он сказал, что собирается забронировать вам гостиницу. Твой отец утверждает, будто что-то видел по телевизору. Куда вы собрались? Ипсос? Калипсос?

– Скиатос⁷.

– Да, точно. Проверь гостиницу как следует. По Интернету. Они с папой что-то видели в обеденных новостях. Похоже, половина недорогих предложений – стройплощадки, но узнаешь об этом только на месте. Папа, хочешь чашечку чая? Неужели Лу тебе не предложила?

Мама включила чайник и посмотрела на меня. Возможно, наконец заметила, что я молчу.

– У тебя все хорошо, милая? Ты ужасно бледная.

Она протянула руку и пощупала мой лоб, как будто мне было не двадцать шесть, а намного меньше.

– Вряд ли мы куда-то поедem.

Мамина рука замерла. Из ее глаз брызнули рентгеновские лучи. Так бывало с самого моего детства.

– У вас с Патом проблемы?

– Мама, я...

⁶ «Райбина» – напиток с черносмородиновым соком.

⁷ Скиатос – небольшой греческий остров в Эгейском море, курорт.

– Я вовсе не лезу в ваши дела. Просто вы вместе уже очень давно. Вполне естественно, что время от времени у вас возникают трения. В смысле, мы с твоим отцом...

– Я потеряла работу. – Мой голос повис в пустоте. Слова пылали в маленькой комнате еще долго после того, как растаяли звуки.

– Что?

– Фрэнк закрывает кафе. С завтрашнего дня. – Я протянула руку с чуть влажным конвертом, который в шоке сжимала всю дорогу домой. Все сто восемьдесят шагов от автобусной остановки. – Он заплатил мне за три месяца вперед.

Тот день начался, как все другие дни. Все мои знакомые ненавидят понедельники, но я исключение. Мне нравилось приезжать с утра пораньше в «Булочку с маслом», включать огромный кипятильник в углу, таскать с заднего двора ящики с молоком и хлебом и болтать с Фрэнком, готовясь к открытию.

Мне нравилось душное тепло с ароматом бекона, порывы прохладного воздуха, когда дверь открывалась и закрывалась, тихий гул разговоров, а когда все смолкало – радио Фрэнка, бормочущее в углу. Кафе не было фешенебельным – его стены украшали пейзажи с замком на холме, столы покрывал старомодный пластик, а меню не менялось с тех пор, как я приступила к работе, не считая парочки изменений в ассортименте шоколадных батончиков и появления шоколадного печенья и маффинов на подносе с глазированными булочками.

Но больше всего мне нравились посетители. Нравились Кев и Анджело, водопроводчики, которые заходили почти каждое утро и дразнили Фрэнка вопросами о происхождении мяса. Нравилась Леди Одуванчик, получившая свое прозвище за копну белоснежных волос. С понедельника по четверг Леди Одуванчик заказывала яйцо с жареной картошкой и сидела, читая бесплатные газеты и выпивая две чашки чая. Я всегда старалась поговорить с ней. Мне казалось, что в течение всего дня со старой женщиной никто больше не говорит.

Мне нравились туристы, заглядывавшие по дороге в замок и обратно, верещащие школьники, забегавшие после школы, завсегдатаи из офисов через дорогу и Нина и Шери, парикмахерши, выучившие калорийность каждого пункта меню «Булочки с маслом». Даже неприятные посетители, такие как рыжеволосая владелица магазина игрушек, не реже раза в неделю скандалившая из-за сдачи, меня не раздражали.

Я наблюдала, как за столиками завязываются и разрываются отношения, как разведенные супруги меняются детьми; виноватое облегчение родителей, ненавидящих готовить, запретное наслаждение пенсионеров, завтракающих жареным. Вся человеческая жизнь проходила перед моими глазами, большинство посетителей бросали мне пару слов, шутили или отпускали замечания над кружками дымящегося чая. Папа любил повторять, что я могу в любой момент сболтнуть какую-нибудь ерунду, но в кафе это не имело значения.

Фрэнку я нравилась. Он был тихим по натуре и говорил, что я оживляю его кафе. Вроде как барменша, только не надо возиться с напитками.

Но в тот день, когда закончилась обеденная суета и на мгновение стало тихо, Фрэнк, вытирая руки о фартук, вышел из-за плиты и повернул дверную табличку стороной «Закрето» к улице.

– Но-но, Фрэнк, я же тебе говорила! Интимные услуги в минимальную зарплату не входят. – Правда, папа утверждал, что Фрэнк голубее, чем яйца дрозда. Я подняла глаза. Фрэнк не улыбался. – Неужели я опять насыпала соль в банки для сахара?

Он крутил в руках посудное полотенце и выглядел на редкость смущенным. На мгновение мне пришло в голову, что кто-то на меня пожаловался. А потом он жестом пригласил меня сесть.

– Прости, Луиза, но я возвращаюсь в Австралию. Отец не очень хорошо себя чувствует, – добавил он, объясняя, в чем дело, – и в замке явно собираются устроить собственное кафе. Видела объявление на стене?

Наверное, у меня в прямом смысле отвисла челюсть. А потом Фрэнк протянул мне конверт и ответил на следующий вопрос, прежде чем тот слетел с моих губ.

– Я знаю, что мы не заключали официального договора или чего-либо подобного, но я хочу позаботиться о тебе. Здесь деньги за три месяца вперед. Мы закрываемся завтра.

– Три месяца! – взорвался папа, а мама сунула мне в руки чашку сладкого чая. – Весьма благородно с его стороны, учитывая, что она последние шесть лет вкалывала в его кафе как проклятая.

– Бернارد! – Мама бросила на него предостерегающий взгляд и кивком указала на Томаса.

Родители присматривали за ним после школы, до возвращения Трины с работы.

– И что ей теперь делать? Мог бы известить ее пораньше, чем за один чертов день.

– Ну... ей просто надо найти другую работу.

– Нет никакой чертовой работы, Джози. Ты знаешь это не хуже меня. Мы посреди дерьмового экономического спада.

Мама на мгновение закрыла глаза, как будто собираясь с духом, прежде чем заговорить.

– Она умная девочка. Она что-нибудь найдет. У нее отличный послужной список. Фрэнк даст ей хорошую рекомендацию.

– Да просто замечательную... «Луиза Кларк умело мажет тосты маслом и ловко обращается со старым чайником».

– Папа, спасибо за поддержку.

– А что я такого сказал?

Я знала подлинную причину папиного беспокойства. Родители зависели от моих заработков. Трина почти ничего не получала в цветочном магазине. Мама не могла работать, потому что присматривала за бабушкой, а бабушкина пенсия стремилась к нулю. Папа жил в постоянной тревоге о своей работе на мебельной фабрике. Его начальник уже много месяцев толковал о возможном сокращении штатов. В доме шептались о долгах и жонглировании кредитными карточками. Два года назад папину машину разбил незастрахованный водитель, и почему-то этого оказалось достаточно, чтобы картонный домик родительских финансов наконец рассыпался. Мои скромные заработки составляли основу денег на хозяйство, и их хватало, чтобы семья сводила концы с концами.

– Давай не будем забегать вперед. Пусть завтра сходит на биржу труда и узнает, что ей могут предложить. Деньги у нее пока есть. – Они говорили так, будто меня нет рядом. – И она умница. Ты ведь умница, милая? Что, если ей пойти на курсы машинописи? Найти работу в офисе?

Я сидела, а родители обсуждали, на какую еще работу можно рассчитывать с моей скромной квалификацией. Фабричная работница, швея-мотористка, девочка на побегушках. Впервые за весь день мне захотелось плакать. Томас внимательно наблюдал за мной большими круглыми глазами, а затем протянул мне половину отсыревшего печенья.

– Спасибо, Томми, – сказала я одними губами и съела печенье.

Он был в спортивном клубе, как я и думала. С понедельника по четверг, точно по расписанию, Патрик занимался в тренажерном зале или бегал кругами по залитому светом прожекторов стадиону. Я спустилась вниз, обхватив себя руками от холода, и медленно вышла на дорожку, помахав, когда он приблизился достаточно, чтобы узнать меня.

– Побежали со мной, – запыхавшись, предложил он. Дыхание вырывалось из его рта клубами пара. – Осталось четыре круга.

Помедлив мгновение, я побежала рядом. Только так я могла побеседовать с Патриком. На мне были розовые кроссовки с бирюзовыми шнурками, единственная моя обувь, пригодная для бега.

Я провела день дома, стараясь приносить пользу. Примерно час назад я начала путаться у матери под ногами. Мама и дедушка занимались своими делами, и мое присутствие им мешало. Папа спал, потому что работал в этом месяце по ночам, и его нельзя было беспокоить. Я убралась в комнате и стала смотреть телевизор с отключенным звуком, время от времени вспоминая, почему сижу дома среди белого дня, и испытывая неподдельную боль в груди.

– Я тебя не ждал.

– Надоело сидеть дома. Я подумала, может, сходим развлечься.

Он покосился на меня. На его лице тонкой пленкой блеснул пот.

– Чем раньше ты найдешь новую работу, детка, тем лучше.

– Прошло всего двадцать четыре часа, как я потеряла старую. Можно мне немного побыть несчастной и вялой? Хотя бы сегодня?

– Посмотри на все с хорошей стороны. Ты же знала, что не сможешь работать там вечно. Тебе надо двигаться дальше, вперед.

Два года назад Патрика выбрали стортфордским молодым предпринимателем года, и он до сих пор не оправился от подобной чести. За это время у него появился деловой партнер Рыжий Пит, предлагающий персональные тренировки клиентам в радиусе сорока миль, и два фирменных фургона, приобретенных в рассрочку. Кроме того, у него в офисе была белая доска, на которой он любил толстыми черными маркерами писать предполагаемый оборот, исправляя цифры по несколько раз, пока они не сходились, к его удовлетворению. Я сомневалась, что они имеют какое-то отношение к реальности.

– Сокращение может изменить жизнь человека, Лу. – Он взглянул на часы, засекая время круга. – Чем ты хочешь заняться? Можно пройти переподготовку. Уверен, для таких, как ты, есть субсидии.

– Для таких, как я?

– Для тех, кто ищет новые пути. Кем ты хочешь быть? Как насчет косметолога? Ты достаточно хорошенькая. – Он на бегу пихнул меня в бок, словно это был невесть какой комплимент.

– Ты же знаешь, как я ухаживаю за собой. Мыло, вода, шампунь.

Патрик начал злиться.

Я начала отставать. Терпеть не могу бегать. Я ненавидела его за то, что он не сбавляет скорость.

– Послушай... Продавщица. Секретарша. Агент по продаже недвижимости. Ну, не знаю... Ты же хочешь кем-то быть?

Но я не хотела. Мне нравилось работать в кафе. Нравилось знать все на свете о «Булочке с маслом» и следить за жизнью людей, проходящих через нее. Там мне было уютно.

– Хватит ныть, детка. Ты должна с этим справиться. Все лучшие предприниматели пробили себе дорогу с самого дна. Джефффри Арчер⁸, например. И Ричард Брэнсон⁹. – Он похлопал меня по руке, намекая, что пора прибавить ходу.

– Вряд ли Джефффри Арчер хоть раз лишился работы по поджариванию булочек к чаю. – Я запыхалась. И на мне был неудобный лифчик. Я остановилась, уронив руки на колени.

Патрик развернулся и побежал спиной вперед, его голос плыл по неподвижному стылому воздуху.

⁸ Джефффри Арчер (р. 1940) – английский политик и писатель.

⁹ Ричард Брэнсон (р. 1950) – английский предприниматель.

– Но если бы лишился... Я просто хочу помочь. Утро вечера мудренее. Наденешь деловой костюм и отправишься на биржу труда. Или я научу тебя работать со мной, если хочешь. Дело прибыльное, сама знаешь. И не переживай из-за отдыха. Я заплачу.

Я улыбнулась ему. Он послал мне воздушный поцелуй, и его голос эхом раскатился по пустому стадиону.

– Вернешь, когда встанешь на ноги.

Я подала свое первое заявление на пособие по безработице. Посетила сорокапятиминутное собеседование, а потом – групповое, где оказалась в обществе двух десятков самых разных мужчин и женщин, причем половина из них, как и я, сидели с таким же слегка ошеломленным видом, а половина – с равнодушным, скучающим видом людей, которые приходят сюда слишком часто. На мне было «штатское», как выразился папа.

В результате приложенных усилий я недолго в ночную смену замещала на птицефабрике приболевшего сотрудника, после чего мне неделями снились кошмары. И провела два дня на обучающем семинаре для домашних консультантов по электричеству. Довольно быстро я сообщила, что, в сущности, меня натаскивают обманом вынуждать стариков сменить поставщика электроэнергии, и заявила Саиду, моему личному «консультанту», что не стану этого делать. Он настаивал, чтобы я продолжала, но я перечислила несколько приемов, которые мне велели применять, после чего он притих и предложил нам – он всегда говорил «мы», хотя очевидно было, что у одного из нас работа уже есть, – попробовать что-то еще.

Две недели я трудилась в ресторане быстрого питания. Часы работы меня устраивали, и я смирилась с тем, что от форменной одежды электризуются волосы, но придерживаться сценария «уместных реакций», а именно: «Чем могу вам помочь?» и «Добавить к заказу большую картошку?» – оказалось совершенно невозможно. Меня уволили после того, как одна из специалисток по пончикам застучала меня за обсуждением сравнительных достоинств бесплатных игрушек с четырехлетней. Что я могу сказать в свое оправдание? Четырехлетняя была развитой. А Спящие красавицы – ужасно слащавыми.

В результате я сидела на своем четвертом собеседовании, пока Саид искал на сенсорном экране новые «возможности» занятости. Даже Саид, с его зловеще жизнерадостным поведением человека, трудоустроившего самых безнадежных кандидатов, уже казался слегка утомленным.

– Хм... Как вы относитесь к мысли заняться шоу-бизнесом?

– Что, цирку требуются клоуны?

– Вообще-то, нет. Но есть вакансии для танцовщицы на шесте. Даже несколько.

– Надеюсь, вы шутите, – подняла я бровь.

– Тридцать часов в неделю без заключения трудового договора. Хорошие чаевые, надо полагать.

– Я правильно понимаю: вы только что посоветовали мне разгуливать в нижнем белье перед толпой незнакомцев?

– Вы же говорили, что ладите с людьми. И похоже, вам нравится... театрально... одеваться. – Он покосился на зеленые в блестках колготки.

Я надеялась, что они меня подбодрят. Томас весь завтрак напевал под нос лейтмотив из «Русалочки».

Саид что-то набрал на клавиатуре:

– Как насчет «диспетчера телефонной линии для взрослых»? – (Я уставилась на него.) – Вы же говорили, что вам нравится беседовать с людьми, – пожал он плечами.

– Нет. Полуголая официантка – тоже нет. И массажистка. И оператор веб-камеры. Ищите, Саид. У вас должна найтись работа, от которой моего папу не хватит удар.

Похоже, я привела его в замешательство.

– Мы исчерпали все возможности работы в торговле с гибким графиком.

– А как насчет раскладывания товара по полкам в ночную смену? – Я провела здесь достаточно времени, чтобы научиться разговаривать на их языке.

– Тогда вы попадете в список ожидания. Такую работу предпочитают родители школьников, – виновато произнес он и снова посмотрел на экран. – Итак, у нас остались только сиделки.

– Вытирание задов старикам.

– Боюсь, для остального, Луиза, вы недостаточно квалифицированы. Если хотите пройти переподготовку, я с радостью направлю вас по верному пути. В обучающем центре для взрослых множество курсов.

– Но это мы уже обсуждали, Саид. В таком случае я останусь без пособия по безработице, верно?

– Если не будете готовы приступить к работе в любой момент, то да.

Мы немного посидели в тишине. Я посмотрела на двери, у которых стояли два могучих охранника. Интересно, они нашли эту работу через биржу труда?

– Я плохо справляюсь со стариками, Саид. После инсультов дедушка перебрался к нам, и я не могу с ним ужиться.

– А! Так у вас есть опыт ухода!

– Вообще-то, нет. За ним ухаживает моя мама.

– Быть может, предложить эту работу ей?

– Смешно.

– Я не шучу.

– А мне придется ухаживать за бабушкой? Нет уж. Кстати, ему это понравится не больше, чем мне. А в кафе ничего нет?

– У нас почти не осталось кафе, готовых предложить вам трудоустройство, Луиза. Как насчет «Кентакки фрайд чикен»? Возможно, там у вас сложится лучше.

– Поскольку их продавать легче, чем чикен макнагетс» Сомневаюсь.

– Тогда давайте расширим поле поиска.

– В город и из города ходят всего четыре автобуса, сами знаете. Я помню, вы советовали выяснить расписание туристического автобуса, но я звонила на станцию, и он ходит только до пяти вечера. И стоит в два раза дороже обычного.

Саид откинулся на спинку стула:

– На данном этапе, Луиза, я вынужден подчеркнуть, что как здоровому и дееспособному человеку, желающему и далее получать пособие, вам необходимо...

– ...продемонстрировать, что я стремлюсь найти работу. Я в курсе.

Как объяснить ему, насколько сильно я хочу работать? Он хотя бы отдаленно представляет, как мне не хватает моей старой работы? Безработица была всего лишь понятием, о котором занудно твердили в новостях в связи с верфями или автомобильными фабриками. Мне и в голову не приходило, что можно тосковать по работе, будто по ампутированной конечности – постоянно, рефлексивно. Я не предполагала, что потеря работы порождает не только очевидные страхи из-за денег и будущего, но и чувство собственной неполноценности, бесполезности. Что вставать по утрам будет сложнее, чем по грубому окрику будильника. Что можно скучать по своим бывшим коллегам, сколь бы мало общего у вас ни было. И даже что можно высматривать знакомые лица, прогуливаясь по главной улице. Когда я впервые встретила Леди Одуванчик, бредущую мимо витрин с таким же потеряннным видом, как я, мне нестерпимо захотелось броситься к ней на шею.

Голос Саида вырвал меня из задумчивости:

– Ага! Это может подойти. – (Я попыталась заглянуть в компьютер.) – Только что поступило. Сию минуту. Место сиделки.

– Я же сказала, что не умею ладить со...

– Это не старики. Это... частная позиция. Необходима помощь по дому, и меньше чем в паре миль от вас. «Требуется сиделка и компаньонка для инвалида». Вы умеете водить машину?

– Да. Но не придется ли мне вытирать его...

– Насколько я могу судить, вытирание зада не требуется. – Он изучил экран. – У него... квадриплегия¹⁰. В обязанности дневной сиделки входит кормление и помощь. Скорее всего, вам придется сопровождать его в город, помогать с самыми элементарными вещами. О! Хорошие деньги. Намного больше минимальной зарплаты.

– Наверное, потому, что позиция подразумевает вытирание зада.

– Я позвоню и уточню насчет вытирания зада. Но если таковое не требуется, вы согласны пройти собеседование?

Он задал вопрос.

Но мы оба знали ответ.

Я вздохнула и взяла свою сумку, чтобы ехать домой.

– О боже, – произнес отец. – Какой ужас! Мало того что парень оказался в чертовом инвалидном кресле, так еще и наша Лу будет его компаньонкой.

– Бернард! – возмутилась мать.

За моей спиной дедушка хихикал в чашку чая.

¹⁰ Квадриплегия – паралич всех четырех конечностей.

2

Я вовсе не туповата. Пожалуй, пора прояснить этот вопрос. Но трудно не испытывать кое-какой нехватки серых клеточек, когда растешь вместе с младшей сестрой, которая не только перешла из своего класса в мой, но и перевелась затем на год старше.

Соображала Катрина всегда лучше, хотя была на восемнадцать месяцев младше. Все книги, которые я читала, она прочла первой, все факты, которые я упоминала за обеденным столом, она уже знала. Она единственный известный мне человек, по-настоящему любящий экзамены. Иногда мне кажется, что я так одеваюсь, потому что стиль – единственное слабое место Трины. Она не вылезает из джинсов и свитера. Элегантно одеться, в ее понимании, – это погладить джинсы.

Папа называет меня «фигурой», потому что я склонна говорить первое приходящее на ум. Он утверждает, что я вылитая тетя Лили, которую я никогда не видела. Довольно странно, когда тебя постоянно сравнивают с незнакомым человеком. Я спускаюсь по лестнице в фиолетовых сапогах, и папа, кивая маме, говорит: «Помнишь тетю Лили и ее фиолетовые сапоги?», а мама фыркает и заливается смехом, как будто над тайной шуткой. Мама называет меня «личностью» – вежливый способ сказать, что она не понимает мою манеру одеваться.

Однако, не считая короткого периода в подростковом возрасте, я никогда не хотела выглядеть как Трина или другие девочки. Лет до четырнадцати я предпочитала мальчишескую одежду, а теперь стараюсь себе потакать – смотря с какой ноги встала. Что толку пытаться выглядеть как все? Я маленького роста, с темными волосами и личиком эльфа, если верить папе. «Эльфийская красота» здесь ни при чем. Я не простушка, но вряд ли кто-то назовет меня красавицей. Мне не хватает изящества. Патрик называет меня «шикарной», когда хочет затасовать в постель, но не особо утруждает себя притворством. Мы встречаемся уже семь лет.

Мне двадцать шесть, а я так толком себя и не узнала. До того как потеряла работу, я вообще ни о чем не задумывалась. Собиралась выйти замуж за Патрика, нарожать детей, поселиться за пару улиц от родительского дома. Не считая экзотического выбора одежды и довольно скромного роста, меня мало что отличало от других. Вряд ли вы обернулись бы на меня. Обычная девушка, ведущая обычную жизнь. И это совершенно меня устраивало.

– Надень костюм на собеседование, – потребовала мама. – В наши дни все одеваются как попало.

– Можно подумать, чтобы кормить древнего старца с ложечки, нужен костюм в тонкую полоску.

– Не дерзи.

– Мне не на что купить новый костюм. А если мне не дадут эту работу?

– Можешь надеть мой, я поглажу тебе симпатичную блузку, и хотя бы раз в жизни не скручивай эти... – указала она на мои волосы, как обычно уложенные двумя темными узлами по бокам головы, – штуки, как у принцессы Леи. Просто попытайся выглядеть как нормальный человек.

Спорить с матерью было бесполезно. И папе явно запретили комментировать мой наряд, когда я неуклюже вышла из дома в слишком тесной юбке.

– Пока, милая. – Уголки его рта подергивались. – Желаю удачи. Ты выглядишь очень... деловой.

Больше всего смущало не то, что на мне была мамина юбка, и не то, что она сшита по последней моде восьмидесятых, а то, что она мне маловата. Пояс врезался в живот, поэтому я одернула двубортный пиджак. Как выражается папа, у мамы меньше жира, чем у заколки-невидимки.

Всю недолгую автобусную поездку меня подташнивало. Я никогда не была на настоящем собеседовании. В «Булочке с маслом» я оказалась, поспорив с Триной, что смогу найти работу за день. Я вошла и просто спросила у Фрэнка, не нужна ли ему пара рук. Кафе только что открылось, и он был мне безмерно благодарен.

Теперь, оглядываясь назад, я даже не могла припомнить, чтобы мы обсуждали вопрос денег. Фрэнк предложил недельную ставку, я согласилась, и раз в год он сообщал, что слегка поднял мое жалованье, обычно чуть больше, чем я могла бы попросить.

О чем вообще спрашивают на собеседованиях? А если мне предложат сделать что-нибудь полезное с этим стариком, покормить его, искупать и так далее? Саид сказал, что для «интимных потребностей» – и я содрогнулась – у него есть сиделка мужского пола. Он добавил, что описание позиции второй сиделки «несколько туманно в данном отношении». Я представила, как вытираю слюну, вытекающую из старческого рта, и, может быть, громко спрашиваю: «Не желаете чашечку чая?»

Когда дедушка только начал выздоравливать после инсультов, он ничего не мог делать самостоятельно. Все делала мама.

– Твоя мать – святая, – сказал папа.

Полагаю, это означало, что она вытирала деду зад, не убегая с воплями из дома. Меня святой никто не назовет, в этом я не сомневалась. Я наре́зала дедушке еду и заваривала чай, но во всем остальном, вероятно, была слеплена из другого теста.

Гранта-хаус находился по ту сторону замка Стортфолд, рядом со средневековыми стенами, на длинном немощем участке дороги, где располагались всего четыре дома и магазин Национального треста¹¹, прямо посередине туристической зоны. Я проходила мимо этого дома миллион раз, не обращая внимания. Теперь же, идя мимо парковки и миниатюрной железной дороги, пустых и унылых настолько, насколько унылыми могут казаться в феврале летние развлечения, я увидела, что он больше, чем я представляла: дом из красного кирпича, с двумя входами, какие попадаются в старых экземплярах «Кантри лайф»¹² в приемной врача.

Я прошла по длинной подъездной дорожке, стараясь не думать, видно ли меня из окна. Когда идешь по длинной дорожке, чувствуешь себя ничтожеством. Я как раз подумывала, не отдать ли мне честь, когда дверь отворилась и я подпрыгнула.

На крыльцо вышла девушка чуть старше меня. На ней были белые брюки и блузка, похожая на медицинский халат, под мышкой она несла пальто и папку. Проходя мимо меня, она вежливо улыбнулась.

– Спасибо, что пришли, – донесся голос изнутри. – Мы вам позвоним.

Из двери выглянула женщина, уже не слишком молодая, но красивая, с дорогой филигранной стрижкой. На ней был брючный костюм, который, вероятно, стоил больше, чем папа зарабатывал за месяц.

– Мисс Кларк, полагаю?

– Луиза, – сказала я и, как настоятельно советовала мама, протянула руку.

Родители сошлись на том, что нынешние молодые люди никогда не протягивают руку. В былые времена и помыслить нельзя было о «привете» или воздушном поцелуе. Не похоже, чтобы эта женщина одобрила бы воздушный поцелуй.

– Да. Хорошо. Входите. – Она мгновенно выдернула руку, но ее взгляд задержался на мне, как бы оценивая. – Проходите, пожалуйста. Побеседуем в гостиной. Меня зовут Камилла Трейнор.

Женщина казалась усталой, как будто уже много раз произнесла сегодня эти слова.

¹¹ *Национальный трест* – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест.

¹² *«Кантри лайф»* – английский еженедельный журнал. (Прим. ред.)

Я последовала за ней в огромную комнату с двустворчатыми, от пола до потолка окнами. Тяжелые шторы элегантно ниспадали с массивных, красного дерева карнизов, персидские ковры с замысловатыми узорами устилали полы. Пахло пчелиным воском и старинной мебелью. Повсюду стояли элегантные столики с многочисленными резными шкатулками. И куда только Трейноры ставят чашки с чаем?

– Итак, вы с биржи труда, по объявлению? Садитесь.

Пока женщина листала папку с бумагами, я исподтишка разглядывала комнату. Я думала, дом будет похож на больницу, сплошные подъемники и идеально чистые поверхности. Но он больше напоминал ужасно дорогой отель, пропитанный запахом старых денег, полный нежно любимых вещей, казавшихся по-настоящему бесценными. На буфете стояли фотографии в серебряных рамках, но слишком далеко, чтобы разобрать лица. Она изучала бумаги, а я придвинулась ближе, стараясь рассмотреть фото.

И в этот миг раздался звук рвущихся стежков, который ни с чем не спутаешь. Я опустила глаза и увидела, что два куска ткани разошлись на моем правом бедре и обрывки шелковой нити торчат неаккуратной бахромой. Я густо покраснела.

– Итак... мисс Кларк... у вас есть опыт работы с квадриплегиками?

Я повернулась к миссис Трейнор, изогнувшись таким образом, чтобы максимально прикрыть юбку пиджаком.

– Нет.

– Давно ли вы работаете сиделкой?

– Гм... Вообще-то, я никогда не работала сиделкой, – ответила я и добавила, как будто в ушах раздался голос Саида, – но уверена, что могу научиться.

– Вам известно, что такое квадриплегия?

– Когда... – Я запнулась. – Кто-то застрял в инвалидном кресле?

– Полагаю, можно сказать и так. Степень квадриплегии бывает разной, но в данном случае мы говорим о полной утрате подвижности ног и крайне ограниченной подвижности рук и кистей. Вас это не затруднит?

– Ну, вряд ли больше, чем его. – Я улыбнулась, но лицо миссис Трейнор по-прежнему ничего не выражало. – Простите... я не хотела...

– Вы умеете водить машину, мисс Кларк?

– Да.

– Нарушений не было?

Я покачала головой.

Камилла Трейнор что-то пометила в списке.

Прореха на юбке росла. Я видела, как она неумолимо ползет вверх по бедру. Такими темпами, поднявшись, я буду выглядеть, словно танцовщица из Вегаса.

– Вы хорошо себя чувствуете? – пристально посмотрела на меня миссис Трейнор.

– Немного вспотела. Можно я сниму пиджак?

Прежде чем она успела ответить, я быстро сдернула пиджак и завязала на талии, спрятав прореху.

– Ужасно жарко, – улыбнулась я, – когда приходишь с мороза. Сами знаете.

Едва заметная пауза, и миссис Трейнор вернулась к просмотру папки.

– Сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

– И вы провели шесть лет на прошлом месте.

– Да. У вас должна быть копия моей рекомендации.

– Мм... – Миссис Трейнор приподняла ее и сощурилась. – Ваш предыдущий работодатель утверждает, что вы «доброжелательны, словоохотливы и украшаете жизнь своим присутствием».

– Да, я ему заплатила.

Снова непроницаемое лицо.

«Вот черт!» – подумала я.

Казалось, меня изучают под микроскопом. И отнюдь не доброжелательно. Мамина блузка внезапно показалась дешевкой, синтетические нити сверкали в полумраке. Надо было надеть самые простые штаны и рубашку. Что угодно, только не этот костюм.

– И почему же вы оставили работу, на которой вас столь высоко ценили?

– Фрэнк – владелец – продал кафе. У подножия замка. «Булочка с маслом». Бывшая «Булочка с маслом», – поправилась я. – Так бы я с радостью осталась.

Миссис Трейнор кивнула, то ли потому, что не видела необходимости развивать эту тему, то ли потому, что была бы только рада, останься я там.

– Чего вы хотите от жизни?

– В смысле?

– Вы стремитесь сделать карьеру? Эта работа – всего лишь ступенька на пути к чему-то большему? У вас есть профессиональная мечта, которую вы надеетесь осуществить?

Я тупо смотрела на нее.

Это что, вопрос с подковыркой?

– Я... Вообще-то, я не заглядывала так далеко. С тех пор, как потеряла работу. Просто... – сглотнула я, – просто хочу снова работать.

Жалкий лепет. Как можно явиться на собеседование, не зная даже, чего хочешь? Судя по выражению лица миссис Трейнор, она думала о том же.

– Итак, мисс Кларк. – Она отложила ручку. – Почему я должна нанять вас вместо, к примеру, предыдущей кандидатки, которая несколько лет работала с квадриплегиками?

Я посмотрела на нее:

– Гм... Честно? Не знаю.

Она встретила мои слова молчанием.

– Это вам решать, – добавила я.

– Вы не можете назвать ни единой причины, по которой я должна нанять вас?

Перед глазами внезапно всплыло лицо матери. Мысль о том, чтобы вернуться домой в испорченном костюме с очередного неудачного собеседования, была невыносима. И платить здесь обещали намного больше девяти фунтов в час.

– Ну... Я быстро учусь, никогда не болею, живу совсем рядом – по ту сторону замка. – Я чуть выпрямила спину. – И еще я сильнее, чем выгляжу... Наверное, мне хватит сил, чтобы помогать вашему мужу передвигаться...

– Моему мужу? Вам предстоит работать не с моим мужем. С моим сыном.

– Вашим сыном? – заморгала я. – Э-э-э... Я не боюсь тяжелой работы. Я умею ладить с самыми разными людьми... и неплохо завариваю чай. – Я начала болтать вздор, лишь бы заполнить тишину. Мысль о том, что пациент – ее сын, выбила меня из колеи. – Мой папа, похоже, считает это не бог весть каким достоинством. Но из собственного опыта знаю, что нет такой беды, которой не поможет чашечка хорошего чая... – (Во взгляде миссис Трейнор мелькнуло что-то странное.) – Простите, – залепетала я, сообразив, что сказала. – Я вовсе не имела в виду, что эту штуку... параплегию... квадриплегию... вашего сына... можно вылечить чашечкой чая.

– Должна предупредить вас, мисс Кларк, что это не постоянный контракт. Не более чем на шесть месяцев. Вот почему зарплата... соразмерна. Мы хотели привлечь правильного человека.

– Поверьте, после нескольких смен на птицефабрике даже база Гуантанамо¹³ покажется райским уголком.

«Да заткнись уже, Луиза». Я прикусила губу.

Но миссис Трейнор казалась рассеянной. Она закрыла папку:

– Мой сын Уилл два года назад пострадал в дорожно-транспортном происшествии. Ему необходим круглосуточный уход, большую часть которого осуществляет квалифицированный медбрат. Я недавно вернулась на работу, поэтому сиделка должна проводить здесь весь день, развлекать Уилла, помогать ему есть и пить, быть на подхвате и следить, чтобы он не пострадал. – Камилла Трейнор опустила взгляд себе на колени. – Крайне важно, чтобы рядом с Уиллом был человек, сознающий возложенную на его плечи ответственность.

Каждое ее слово и даже интонация намекали на мою глупость.

– Понятно. – Я начала собирать сумку.

– Итак, вы готовы приступить к работе?

Это было так неожиданно, что сначала я подумала, будто ослышалась.

– Что?

– Нам нужно, чтобы вы приступили как можно скорее. Оплата понедельная.

На мгновение я лишилась дара речи.

– Вы решили взять меня, а не... – начала я.

– Часы работы довольно протяженные – с восьми утра до пяти вечера, иногда дольше. Обеденного перерыва как такового не предусмотрено, но можно выкроить полчаса, когда Натан, дневная сиделка, приходит, чтобы покормить его обедом.

– Вам не понадобится ничего... медицинского?

– У Уилла уже есть вся доступная медицинская помощь. Нет, нам нужен кто-то бодрый... и оптимистичный. Жизнь моего сына... нелегка, и очень важно внушить ему... – Камилла Трейнор умолкла, пристально глядя сквозь французские окна куда-то вдаль. Наконец она снова повернулась ко мне. – Достаточно сказать, что его душевное благополучие важно не меньше физического. Вы меня поняли?

– Думаю, да. Мне придется... носить форму?

– Нет. Никакой формы. – Она взглянула на мои ноги. – Хотя, возможно, вам стоит надеть... что-нибудь менее откровенное.

Я опустила глаза и увидела, что пиджак съехал, оголив бедро.

– Я... прошу прощения. Юбка порвалась. Если честно, она не моя.

Но миссис Трейнор, похоже, больше не слушала.

– Что именно нужно делать, я объясню, когда вы приступите. С Уиллом сейчас нелегко приходится, мисс Кларк. Понадобятся не только ваши... профессиональные навыки, но и правильное отношение к ситуации. Итак. Вы готовы приступить завтра?

– Завтра? А разве вы не хотите... не хотите нас сперва познакомить?

– У Уилла выдался тяжелый день. Думаю, лучше начать с чистого листа.

Я встала, сознавая, что миссис Трейнор не терпит меня выпроводить.

– Да. – Я крепче затянула на талии мамин пиджак. – Гм... Спасибо. Я буду завтра в восемь утра.

Мама накладывала картошку на папину тарелку. Она положила две картофелины, он подцепил третью и четвертую с сервировочного блюда. Мама вернула их на место и постучала по костяшкам его пальцев сервировочной ложкой, когда он снова потянулся за добавкой. Вокруг

¹³ База в заливе Гуантанамо – арендованная США военно-морская база в заливе Гуантанамо (Куба). На базе расположена также одноименная тюрьма для лиц, подозреваемых в терроризме, известная как «Концлагерь XXI века».

маленького столика сидели родители, сестра с Томасом, дедушка и Патрик, который всегда приходил ужинать по средам.

– Папа, – повернулась мама к дедушке. – Нарезать тебе мясо? Трина, ты не могла бы нарезать папе мясо?

Трина наклонилась и начала ловко кромсать мясо на дедушкиной тарелке. Она уже проделала это для Томаса с другой стороны от себя.

– И сильно этот парень изувечен, Лу?

– Вряд ли, раз на него хотят напустить нашу дочь, – заметил папа.

За моей спиной работал телевизор, чтобы он и Патрик могли смотреть футбол. Время от времени они останавливались и с набитыми ртами заглядывали мне за спину, следя за какими-то передачами.

– По-моему, это отличный вариант. Она будет работать в одном из особняков. На хорошую семью. Они аристократы, милая?

На нашей улице аристократом считался любой, у кого членов семьи не привлекали за антиобщественное поведение.

– Наверное.

– Надеюсь, ты отрепетировала реверанс, – усмехнулся папа.

– Ты его уже видела? – Трина подалась вперед и схватила сок, который Томас чуть было локтем не столкнул на пол. – Калеку? Какой он?

– Я познакомлюсь с ним завтра.

– И все-таки странно. Ты будешь проводить с ним весь день. Девять часов. Будешь видеть его чаще, чем Патрика.

– Это несложно, – ответила я.

Патрик, сидевший напротив, сделал вид, что не расслышал.

– Зато не нужно беспокоиться, что он начнет тебя лапать, – заметил папа.

– Бернард! – резко оборвала его мать.

– Я только сказал то, что все думают. Лучшего начальника для твоей подружки не найти, да, Патрик?

Патрик улыбнулся. Он упорно отказывался от картошки, несмотря на старания мамы. В этом месяце он ограничил употребление углеводов, готовясь к марафону в начале марта.

– Я тут вот подумала, не нужно ли тебе выучить язык жестов? В смысле, если он не может общаться, как ты узнаешь, чего он хочет?

– Она не говорила, что он немой, мама. – Я толком не помнила, что говорила миссис Трейнор. Я все еще не оправилась от потрясения, получив работу.

– Возможно, он говорит через особое устройство. Ну, как тот ученый. Из «Симпсонов».

– Педик, – сказал Томас.

– Не-а, – возразил Бернард.

– Стивен Хокинг, – сообщил Патрик.

– Точно, спасибо. – Мама перевела укоризненный взгляд с Томаса на папу. Таким взглядом можно стену прожечь. – Учишь его плохим словам.

– Ничего подобного. Понятия не имею, где он это подцепил.

– Педик, – повторил Томас, пристально глядя на своего дедушку.

– Я бы рехнулась, если бы он говорил через голосовой аппарат, – скривилась Трина. – Вы только представьте! Дайте-мне-стакан-воды, – изобразила она.

Светлая голова, но недостаточно светлая, чтобы не залететь, как временами бормотал папа. Она первой из нашей семьи поступила в университет, но из-за появления Томаса ушла с последнего курса. Мама и папа все еще питали надежды, что в один прекрасный день Трина принесет семье состояние. Или хотя бы будет работать в приличном месте, а не в застекленной будке. Или то, или другое.

– Если он сидит в инвалидном кресле, это еще не значит, что он говорит как далек¹⁴, – возразила я.

– Но тебе придется общаться с ним тесно и близко. По меньшей мере вытирать ему рот, подавать напитки и так далее.

– Ну и что? Подумаешь, бином Ньютона.

– И это говорит женщина, которая надела Томасу подгузник наизнанку.

– Всего один раз.

– Два раза. Из трех.

Я положила себе стручковой фасоли, стараясь выглядеть более оптимистичной, чем на самом деле.

Но уже по дороге домой на автобусе те же мысли начали гудеть у меня в голове. О чем мы будем разговаривать? Что, если он будет только глядеть на меня, свесив голову, и так день за днем? Недолго и спянуть! А если я не смогу понять, чего он хочет? Моя неспособность за кем-то ухаживать вошла в легенды: у нас больше нет ни комнатных растений, ни домашних животных после несчастных случаев с хомячком, палочниками¹⁵ и золотой рыбкой Рандольфом. И как часто его чопорная мать будет находиться поблизости? Я не переживу, если она будет постоянно стоять над душой. Наверняка под взглядом миссис Трейнор все валится из рук.

– Патрик, а ты что думаешь?

Патрик глотнул воды и пожал плечами.

Дождь барабанил по оконным стеклам, едва различимый сквозь звон тарелок и столовых приборов.

– Деньги хорошие, Бернард. В любом случае это лучше, чем вкалывать по ночам на птицефабрике.

Над столом повис общий согласный гул.

– Очень мило. Значит, единственное, что ты можешь сказать о моей новой карьере, – что это лучше, чем таскать куриные трупы по самолетному ангару, – заметила я.

– Ну, еще между делом можно привести себя в форму и начать давать персональные тренировки вместе с нашим милым Патриком.

– Привести себя в форму. Спасибо, папа. – Я было потянулась за очередной картофелиной, но передумала.

– Почему бы и нет? – Казалось, мама готова присесть – все на мгновение замерли, – но нет, она снова вскочила, чтобы добавить дедушке подливки. – Имей в виду на будущее. Язык у тебя подвешен что надо.

– Живот у нее подвешен что надо, – фыркнул папа.

– Я только что получила наконец работу! – рявкнула я. – И платят на ней, между прочим, побольше, чем на старой.

– Но это временная работа, – возразил Патрик. – Твой папа прав. Параллельно ты можешь приводить себя в форму. Если немного постараться, из тебя выйдет хороший персональный тренер.

– Я не хочу быть персональным тренером. Мне не нравится... прыгать. – Одними губами я обругала Патрика, и он усмехнулся.

– Чего Лу хочет, так это развалиться на диване и смотреть дневные шоу, кормя старину Айронсайда¹⁶ через соломинку, – фыркнула Трина.

¹⁴ Далеки – киборги из британского научно-фантастического сериала «Доктор Кто», разговаривающие с помощью своей брони, которая синтезирует металлический скрипучий голос, лишенный эмоций.

¹⁵ Палочники – отряд насекомых.

¹⁶ Роберт Айронсайд – герой одноименного сериала (1967–1975), сыщик, прикованный к инвалидной коляске.

– Ну конечно. Ведь чтобы переставлять увядшие георгины в ведерках с водой, нужны огромные физические и умственные усилия, правда, Трина?

– Мы просто шутим, милая. – Папа поднял кружку чая. – Прекрасно, что ты получила работу. Мы очень рады. И поверь, только ты освоишься на новом месте, как эти педики не смогут без тебя обойтись.

– Педик, – произнес Томас.

– Это не я, – с набитым ртом отговорился папа, прежде чем мама успела что-либо сказать.

3

Это флигель. Когда-то в нем располагалась конюшня, но мы поняли, что он подойдет Уиллу больше, чем дом, поскольку здесь все расположено на одном этаже. Тут гостевая комната, чтобы Натан мог при необходимости оставаться на ночь. В первое время это требовалось довольно часто. – Миссис Трейнор бодро, не оборачиваясь, шагала по коридору, указывая то на одну дверь, то на другую, ее высокие каблуки цокали по плитам пола. Похоже, требования ко мне весьма высоки. – Ключи от машины находятся здесь. Я внесла вас в страховку. Надеюсь, вы предоставили верные сведения. Натан должен показать, как работает пандус. Надо только направить коляску, и машина сделает все остальное. Хотя... сейчас Уилл не слишком расположен выбираться из дома.

– Сегодня довольно холодно, – заметила я.

Миссис Трейнор как будто не расслышала.

– Чай и кофе можете готовить себе на кухне. В шкафах всегда есть еда. Ванная находится здесь...

Она открыла дверь, и я уставилась на белый подъемник из металла и пластмассы, растопырившийся над ванной. Площадка под душем была открытой, рядом стояло сложенное инвалидное кресло. В углу, в шкафчике со стеклянными дверцами, лежали аккуратные стопки чего-то затянутого в пленку. Отсюда не было видно, чего именно, но от них тянуло слабым запахом дезинфицирующего средства.

Миссис Трейнор закрыла дверь и на мгновение повернулась ко мне:

– Хочу еще раз подчеркнуть, что очень важно постоянно находиться рядом с Уиллом. Предыдущая сиделка исчезла на несколько часов, чтобы починить машину, и Уилл... поранился в ее отсутствие. – Она сглотнула, как будто воспоминание до сих пор причиняло ей боль.

– Я никуда не уйду.

– Разумеется, вам необходимы... перерывы на отдых. Я только хочу подчеркнуть, что его нельзя оставлять одного дольше, скажем, десяти-пятнадцати минут. В случае неотложного дела либо позвоните по интеркому, поскольку мой муж Стивен может оказаться дома, либо наберите номер моего мобильного. Если вам понадобятся выходные, сообщите об этом как можно раньше. Найти замену не так-то просто.

– Ага!

Миссис Трейнор открыла шкаф в коридоре. Казалось, она повторяет давным-давно заученную речь.

На мгновение я задумалась, сколько сиделок сменилось здесь до меня.

– Если Уилл найдет себе дело, займитесь чем-нибудь полезным по хозяйству. Постирайте белье, пройдитесь с пылесосом и так далее. Чистящие средства под раковиной. Возможно, он захочет побыть в одиночестве. Вам с ним предстоит самостоятельно решить, насколько тесно вы намерены общаться.

Миссис Трейнор покосилась на мою одежду, как будто только что ее разглядела. На мне была мохнатая жилетка. Папа утверждал, что в ней я похожа на эму. Я попыталась улыбнуться. Это оказалось нелегко.

– Разумеется, я надеюсь, что вы сможете... поладить друг с другом. Мне хотелось бы, чтобы вы стали для него другом, а не наемным работником.

– Хорошо. Что он... гм... любит делать?

– Смотреть фильмы. Иногда слушать радио или музыку. У него есть специальное цифровое устройство. Как правило, он может им управлять, если положить его рядом с рукой. Пальцы Уилла не лишены определенной подвижности, хотя сжимать их в кулак ему сложно.

Я повеселела. Если он любит музыку и фильмы, несомненно, у нас должно найтись что-то общее. Внезапно я представила, как мы с ним смеемся над какой-нибудь голливудской комедией, как я расхаживаю по спальне с пылесосом, а он слушает музыку. Возможно, все будет хорошо. Возможно, мы подружмся. У меня никогда еще не было друга-инвалида – только глухой друг Трины Дэвид, но он дал бы в глаз, назови его кто инвалидом.

– У вас есть вопросы?

– Нет.

– Тогда вам пора познакомиться. – Она взглянула на часы. – Натан уже закончил его одевать.

Мы помедлили у двери, и миссис Трейнор постучала.

– Ты здесь, Уилл? Я хочу познакомить тебя с мисс Кларк.

Нет ответа.

– Уилл? Натан?

Резкий новозеландский акцент:

– Он одет, миссис Ти.

Камилла Трейнор толкнула дверь. Гостиная во флигеле оказалась обманчиво просторной, одна стена ее целиком состояла из стеклянных дверей, выходящих на луга и поля. В углу тихонько пытела печка, низкий бежевый диван с наброшенным на него шерстяным пледом стоял перед огромным телевизором с плоским экраном. Очень спокойная и милая обстановка. Настоящая холостяцкая берлога в скандинавском вкусе.

Посередине комнаты стояло черное инвалидное кресло, накрытое овчиной. Крепко сбитый парень в белой рубашке сидел на корточках, поправляя мужские ноги на подставке кресла. Когда мы вошли в комнату, мужчина в кресле посмотрел на нас из-под лохматых нечесаных волос. Наши взгляды встретились, и через мгновение он издал душераздирающий стон. Затем его рот дернулся, и раздался еще один потусторонний вопль.

Я ощутила, как окаменела его мать.

– Уилл, прекрати!

Он даже не посмотрел на нее. Очередной доисторический рык вырвался откуда-то из глубины его груди. Это был ужасный, мучительный звук. Я едва не вздрогнула. Мужчина гримасничал, вжав в плечи наклоненную голову и обратив ко мне искаженное гневом лицо. Он выглядел гротескно и отчасти разъяренно. Я осознала, что костяшки моих пальцев, вцепившихся в сумку, побелели.

– Уилл! Прошу тебя. – В голос его матери закралась нотка истерики. – Пожалуйста, прекрати.

«О боже, – подумала я. – Я с этим не справлюсь». Я с трудом сглотнула. Мужчина продолжал смотреть на меня. Похоже, он чего-то ждал.

– Меня... меня зовут Лу. – Мой голос, непривычно дрожащий, повис в тишине. Я хотела было протянуть Уиллу руку, но вовремя вспомнила, что он не сможет ее взять, и ограничилась тем, что неуверенно помахала. – Сокращенное от Луиза.

К моему изумлению, он перестал корчить рожи и стал держать голову ровно.

Уилл Трейнор пристально смотрел на меня, на губах его мелькнула едва заметная улыбка.

– Доброе утро, мисс Кларк, – произнес он. – Говорят, вы моя новая сиделка.

Натан закончил регулировать подставку. Он покачал головой и встал.

– Нехороший ты человек, мистер Ти. Совсем нехороший, – усмехнулся он и протянул широкую ладонь, которую я вяло пожала. Натан был сама невозмутимость. – Похоже, Уилл только что изобразил перед вами Кристи Брауна¹⁷. Ничего, привыкнете. Он больше лает, чем кусает.

¹⁷ Кристи Браун (1932–1981) – ирландский писатель, художник и поэт, с рождения страдавший церебральным параличом.

Миссис Трейнор тонкими белыми пальцами теребила крестик на шее. Она машинально гоняла его туда-сюда по тонкой золотой цепочке. Лицо ее было непроницаемо.

– Итак, я должна вас покинуть. Звоните мне по интеркому, если понадобится помощь. Натан ознакомит вас с оборудованием и уходом за Уиллом.

– Я здесь, мама. Не нужно говорить сквозь меня. Мой мозг не парализован. Пока что.

– Да, но если ты намерен вести себя гадко, Уилл, мисс Кларк лучше обращаться напрямую к Натану. – (Я заметила, что во время разговора мать не смотрела на сына, а изучала точку на полу в десяти футах от него.) – Сегодня я работаю дома. Так что загляну к вам в обед, мисс Кларк.

– Ладно, – пискнула я.

Миссис Трейнор исчезла. Мы молча слушали, как ее резкие шаги удаляются по коридору.

– Уилл, – нарушил тишину Натан, – если ты не против, я пойду покажу мисс Кларк твои лекарства. Включить телевизор? Или музыку?

– Радио Би-би-си-четыре, пожалуйста.

– Нет проблем.

Мы прошли на кухню.

– Миссис Ти говорит, ты прежде не имела дела с квадриплегиками?

– Не имела.

– Хорошо. Я не буду особо вдаваться в подробности. Вот папка со всеми сведениями об уходе за Уиллом и экстренными номерами телефонов. Советую почитать в свободную минутку. Думаю, таковая найдется. – Натан снял с пояса ключ и отпер шкафчик, битком набитый коробочками и пластмассовыми баночками с лекарствами. – Это в основном моя забота, но тебе нужно знать, где что лежит, на всякий пожарный случай. Вот расписание на стене, в нем указано, что он принимает регулярно. Все дополнительные лекарства нужно записывать вот здесь. – Натан показал пальцем. – Но лучше обговаривать с миссис Ти, по крайней мере на первых порах.

– Я не знала, что мне придется давать лекарства.

– Это несложно. Уилл в основном знает, что ему нужно. Надо только немного помочь. Мы обычно используем этот стаканчик. Или можно растолочь лекарства пестиком в ступке и подмешать в питье.

Я поднесла к глазам одну из коробочек. По-моему, я никогда не видела столько лекарств не в аптеке.

– Итак, поехали. Два лекарства для кровяного давления: одно, чтобы понизить перед сном, другое, чтобы повысить утром. Лекарство от мышечных спазмов нужно принимать довольно часто – будешь давать одну таблетку утром, одну днем. Глотать их несложно, они маленькие и с покрытием. Эти таблетки – от спазмов мочевого пузыря, а эти – от кислотного рефлюкса. Могут пригодиться после еды, если он плохо себя почувствует. Это антигистаминное, давать утром, а это назальные спреи, но обычно я прыскаю их сам перед уходом, так что тебе не нужно беспокоиться. При болях можно давать парацетамол, и время от времени он принимает снотворное, но из-за него становится более раздражительным днем, так что снотворное мы стараемся ограничивать. – Он поднял очередную бутылочку. – Тут антибиотики, которые он принимает раз в две недели при замене катетера. Это моя забота, а если я буду в отъезде, оставлю четкие инструкции. Они довольно сильные. Здесь коробки с резиновыми перчатками, на случай если тебе придется его чистить. Еще есть крем от пролежней, но это больше не проблема, с тех пор как купили надувной матрас. – Натан достал из кармана второй ключ и протянул мне. – Это запасной, – пояснил он. – Никому не давать. Даже Уиллу, ясно? Беречь как зеницу ока.

– Так много надо запомнить, – сглотнула я.

– Все записано. Пока тебе надо запомнить только лекарства от спазмов. Вот эти. Держи номер моего мобильного. В свободное время я учусь, так что лучше слишком часто не звонить, но если будут вопросы, не стесняйся, звони.

Я устала сидеть на папке перед собой. Казалось, я попала на экзамен, к которому не готовилась.

– А если ему понадобится... в уборную? – Я подумала о подъемнике. – Не уверена, что смогу, ну, знаешь, поднять его. – Я изо всех сил старалась скрыть панику, которую испытывала.

– Ничего такого не потребуется, – покачал головой Натан. – У него стоит катетер. Я приду в обед и все по меняю. Тебя наняли не для физического ухода.

– А для чего?

Натан изучил пол и поднял взгляд на меня:

– Постарайся его развеселить, хорошо? Он... он немного чудит. Вполне естественно, учитывая... обстоятельства. Но тебе придется отрастить толстую шкуру. Он специально устроил утомительное представление, чтобы выбить тебя из колеи.

– Поэтому здесь так хорошо платят?

– О да. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. – Натан хлопнул меня по плечу, и я едва не упала. – Да ладно, все с ним в порядке. Не надо ходить вокруг него на цыпочках. – Он помедлил. – Уилл мне нравится. – Натан произнес это так, как будто, кроме него, Уилл не нравился никому.

Мы вернулись в гостиную. Кресло Уилла Трейнора переместилось к окну, он сидел спиной к нам и смотрел на улицу, слушая радио.

– Я закончил, Уилл. Нужно что-нибудь перед уходом?

– Нет. Спасибо, Натан.

– Тогда оставляю тебя в умелых руках мисс Кларк. Увидимся в обед, приятель.

С нарастающей паникой я следила, как любезный помощник надевает куртку.

– Желаю повеселиться, ребята, – подмигнул мне Натан и был таков.

Я стояла посреди комнаты, засунув руки в карманы и не зная, что делать. Уилл Трейнор продолжал смотреть в окно, как будто меня рядом не было.

– Не хотите ли чашечку чая? – наконец спросила я, когда тишина стала невыносимой.

– А! Ну конечно. Девушка, которая зарабатывает на жизнь, заваривая чай. А я гадал, как скоро вы захотите показать свои умения. Нет. Спасибо, не надо.

– Может, кофе?

– Обойдусь без горячих напитков, мисс Кларк.

– Можете называть меня Лу.

– А толку?

Я моргнула и на мгновение открыла рот, но тут же закрыла. Папа всегда говорит, что с открытым ртом я выгляжу глупее, чем на самом деле.

– Может... принести что-нибудь?

Уилл повернулся ко мне. Его подбородок зарос многодневной щетиной, а глаза были непроницаемыми. Он отвернулся.

– Тогда... – Я оглядела комнату. – Поищу что-нибудь постирать.

Я вышла из комнаты с колотящимся сердцем. В безопасном укрытии кухни достала мобильный и напечатала сообщение сестре:

Это ужасно. Он меня ненавидит.

Ответ пришел через несколько секунд:

Прошел всего час, тряпка! Ма и па позарез нужны деньги.

Соберись и думай о почасовой ставке. Целую.

Я захлопнула телефон и шумно выдохнула. Порылась в корзине с грязным бельем, наполнила бак стиральной машины от силы на четверть и несколько минут читала инструкцию. Мне не хотелось ошибиться в настройках или сделать что-нибудь, отчего Уилл или миссис Трейнор снова посмотрят на меня как на дурочку. Я запустила стиральную машину и немного постояла, пытаясь придумать благовидное занятие. Достала пылесос из шкафа в коридоре и вычистила коридор и две спальни, размышляя, что если бы родители меня увидели, то непременно сделали бы фото на память. Гостевая комната была почти пустой, как номер в гостинице. Наверное, Натан редко остается на ночь. И его сложно винить.

Я помедлила у спальни Уилла Трейнора, но решила, что она нуждается в уборке не меньше других. Вдоль одной стены тянулся встроенный стеллаж, на котором стояла пара десятков фотографий в рамках.

Пылесоса вокруг кровати, я позволила себе взглянуть на них. На одной мужчина прыгал с утеса на тарзанке, раскинув руки, словно статуя Христа. На другой был мужчина, похожий на Уилла, среди вроде бы джунглей, на третьей – он же посреди нетрезвых друзей. Мужчины в галстуках-бабочках и смокингах обнимали друг друга за плечи.

Снова он на лыжном склоне, рядом с длинноволосой блондинкой в темных очках. Я наклонилась, чтобы получше разглядеть лицо за лыжными очками. На фотографии он был чисто выбрит, и даже в ярком свете его кожа светилась тем дорогостоящим лоском, какой бывает лишь у богачей, отдыхающих три раза в год. У него были широкие, мускулистые плечи, заметные даже под лыжной курткой. Я осторожно поставила фотографию обратно на стол и продолжила пылесосить за кроватью. Наконец я выключила пылесос и начала сворачивать шнур. Наклонившись, чтобы выдернуть его из розетки, я краем глаза заметила движение и подпрыгнула, тихонько пискнув. Уилл Трейнор наблюдал за мной из дверей.

– Куршевель. Два с половиной года назад.

– Извините. – Я покраснела. – Я просто...

– Вы просто разглядывали мои фотографии. Размышляя, насколько ужасно превратиться в калеку после подобной жизни.

– Нет. – Я покраснела еще гуще.

– Остальные мои фотографии в нижнем ящике, на случай если вас снова одолеет любопытство, – сообщил он.

Инвалидная коляска с тихим гулом повернула направо, и он исчез.

Утро затянулось на несколько лет. Я не могла припомнить, когда еще часы и минуты казались такими нескончаемыми. Я придумывала себе все новые и новые занятия и заходила в гостиную как можно реже, сознавая, что веду себя трусливо, но, по правде говоря, мне было все равно.

В одиннадцать я принесла Уиллу Трейнору стаканчик с водой и лекарства от спазмов, как велел Натан. Я положила таблетку ему на язык и протянула стаканчик, чтобы он мог запить, все по инструкции. Стаканчик был из блеклой непрозрачной пластмассы, такой же, как у Томаса, только без нарисованного Боба-строителя¹⁸. Уилл не без труда проглотил лекарство и жестом приказал оставить его в одиночестве.

Я протерла пыль с полок, которые в этом совсем не нуждались, и раздумывала, не помыть ли окна. В здании вокруг было тихо, не считая еле слышного гула телевизора в гостиной, где сидел Уилл. Я не осмелилась включить радио на кухне. Мне казалось, что он скажет что-нибудь ядовитое о моем музыкальном вкусе.

В половине первого вернулся Натан, впусив с улицы морозный воздух и выгнув бровь.

¹⁸ Боб-строитель – герой одноименного английского мультсериала.

– Все в порядке? – спросил он.

– Конечно. – Я в жизни не была так рада кого-либо видеть.

– Отлично. У тебя полчаса. Нам с мистером Ти надо кое-что проделать.

Я рванула за курткой. Я не собиралась обедать в городе, но чуть не упала в обморок от облегчения, оказавшись за стенами дома. Подняв воротник и надев сумку на плечо, я быстро зашагала по дорожке, как будто мне было куда идти. А на самом деле просто полчаса гуляла по окрестным улицам, выдыхая клубы теплого пара в плотно замотанный шарф.

С тех пор как закрылась «Булочка с маслом», в этом конце города не было кафе. Замок стал необитаем. Ближайшее место, где можно было перекусить, – гастронаб¹⁹, но в нем мне не хватило бы денег даже на стакан воды, не говоря уже о быстром перекусе. На его парковке стояли огромные и дорогие машины с новенькими номерами.

Я встала на парковке замка и, убедившись, что меня не видно из окон Гранта-хауса, набрала номер сестры.

– Привет.

– Ты же знаешь, что мне запрещено говорить на работе. Ты что, слетела с катушек?

– Нет. Просто захотелось услышать дружеский голос.

– Он настолько ужасен?

– Трина, он меня ненавидит. Смотрит на меня как надохлую мышь, которую притащила кошка. И он даже не пьет чай. Я от него прячусь.

– Ушам своим не верю.

– Что?

– Просто поговори с ним, идиотка. Ну конечно, он несчастен. Он застрял в чертовом инвалидном кресле. А от тебя, наверное, никакого проку. Просто поговори с ним. Узнай его получше. Что такого может случиться?

– Не знаю... Не знаю, выдержу ли.

– Я не собираюсь говорить маме, что ты не проработала и полдня. Тебе ничего не заплатят, Лу. Ты не можешь уйти. Мы не можем тебе этого позволить.

Она была права. Я осознала, что ненавижу сестру.

Последовало краткое молчание. Голос Трины стал непривычно ласковым. Это и вправду беспокоило. Это означало, что она в курсе: у меня худшая работа на свете.

– Послушай, – сказала она. – Всего шесть месяцев. Продержишься шесть месяцев, получишь плюстик в резюме и сможешь найти работу по душе. И к тому же... если подумать, разве это не лучше, чем работать по ночам на птицефабрике?

– Ночи на птицефабрике – просто праздник по сравнению с...

– Мне пора, Лу. До встречи.

– Как насчет прогуляться? Можно взять машину.

Натан ушел почти полчаса назад. Я мыла чашки из-под чая целую вечность, и мне казалось, что, если я проведу еще один час в этом мертвом доме, у меня взорвется голова.

– Куда прогуляться? – Он повернулся ко мне.

– Ну, не знаю. Давайте просто прокатимся за город.

Иногда, как в данном случае, я делала вид, будто я Трина. Она очень спокойный и компетентный человек, и поэтому ей никто не перечит. Мне казалось, я говорю профессионально и оптимистично.

– За город, – как бы размышляя, повторил он. – И что мы увидим? Несколько деревьев? Кусочек неба?

– Не знаю. А что вы обычно делаете?

¹⁹ *Гастронаб*, или гастрономический паб, – паб, в меню которого присутствуют ресторанные блюда.

– Я ничего не делаю, мисс Кларк. Я больше не могу ничего делать. Я просто существую.
– Ну, – начала я, – мне сказали, что у вас есть машина, адаптированная для инвалидной коляски.

– И вы боитесь, что она сломается, если не ездить на ней каждый день?

– Нет, но я...

– Вы хотите сказать, что мне не стоит все время сидеть дома?

– Я только подумала...

– Вы подумали, что мне не повредит прокатиться? Подышать свежим воздухом?

– Я только пытаюсь...

– Мисс Кларк, моя жизнь не слишком улучшится от автомобильной прогулки по сторт-фолдским проселкам. – Уилл отвернулся.

Он вжал голову в плечи, и я задумалась, удобно ли ему. Но момент был неподходящий, чтобы спрашивать. Мы сидели в молчании.

– Принести вам компьютер?

– Что, подумали о группах поддержки для квадриплегиков? «Паралитики, но не нытики»? «Жизнь на колесах»?

– Ладно... хорошо... – Я глубоко вдохнула, стараясь говорить уверенно. – Учитывая, что нам предстоит проводить много времени вместе, быть может, нам стоит лучше узнать друг друга...

Выражение его лица заставило меня запнуться. Он смотрел в стену перед собой, и у него дергался подбородок.

– Просто... это и правда немало времени. Целый день, – продолжила я. – Возможно, если вы расскажете о том, что любите делать, что вам нравится, я смогу... устроить все по вашему вкусу?

На этот раз тишина была мучительной. Я следила, как она медленно поглощает мой голос, и не могла придумать, куда девать руки. Трина и ее компетентная манера поведения испарились.

Наконец инвалидное кресло загудело, и Уилл медленно повернулся ко мне.

– Итак, вот что я знаю о вас, мисс Кларк. Моя мать утверждает, что вы очень разговорчивы. – По его тону казалось, будто это физический недостаток. – Давайте заключим сделку. Вас не затруднит быть неразговорчивой рядом со мной?

Я сглотнула, мое лицо пылало.

– Хорошо, – сказала я, когда вновь обрела дар речи. – Я буду на кухне. Если вам что-нибудь понадобится, просто позовите.

– Я не верю, что ты уже сдалась.

Я лежала на кровати поперек, задрав ноги на стену, как любила делать подростком. Я поднялась к себе сразу после ужина, что было на меня не похоже. С тех пор как родился Томас, они с Триной переехали в комнату побольше, а я оказалась в каморке, такой крохотной, что довольно было провести в ней полчаса, чтобы заработать приступ клаустрофобии.

Но я не хотела сидеть внизу с мамой и бабушкой, потому что мама все время поглядывала на меня с беспокойством и изрекала сентенции вроде: «Все наладится, дорогая» и «Любая работа в первый день утомительна». А ведь последние двадцать лет она не работала! Из-за нее я чувствовала себя виноватой, хотя ничего плохого не сделала.

– Я не говорила, что сдалась.

Как всегда, Трина ворвалась, не постучав, хотя мне приходилось тихонько стучаться к ней в дверь, на случай если Томас спит.

– А если бы я была голой? Ты бы хоть крикнула, если стучать не умеешь.

– Чего я там не видела? Мама думает, что ты хочешь уволиться.

– О боже, Трина. – Я спустила ноги со стены и приняла сидячее положение. – Это хуже, чем я думала. Он такой несчастный.

– Он не может двигаться. Ну конечно он несчастный.

– Да, но к тому же саркастичный и гадкий. Стоит мне что-нибудь сказать или предложить, как он смотрит на меня как на дуру или говорит что-нибудь, отчего я чувствую себя двухлетней.

– Наверное, ты ляпнула какую-нибудь глупость. Вам просто надо привыкнуть друг к другу.

– Ничего я не ляпнула. Я была очень осторожна. Да я вообще ничего не говорила, кроме: «Не хотите ли прокатиться?» и «Не желаете ли чашечку чая?».

– Ну, может, он со всеми так себя ведет поначалу. Погоди, пока он поймет, что ты пришла надолго. У них наверняка сменились толпы сиделок.

– Он даже не хочет, чтобы я сидела с ним в одной комнате. Я не смогу, Катрина. Просто не выдержу. Ну правда... ты бы поняла, если бы видела.

Трина помолчала, не сводя с меня глаз. Она встала и выглянула за дверь, как будто проверяя, нет ли кого на площадке.

– Я подумываю вернуться в колледж, – наконец сказала она.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать смену темы.

– О боже, – сказала я. – Но...

– Я собираюсь взять ссуду, чтобы внести плату. Но мне могут дать специальную субсидию, потому что у меня есть Томас, и университет предлагает сниженную ставку, потому что... – Она пожала плечами, немного смутившись. – Они считают, что я могу преуспеть. Кто-то бросил курс экономики и менеджмента, и меня могут взять на его место с начала следующего семестра.

– А как же Томас?

– В кампусе есть детский сад. Мы можем жить в дотируемой квартире в общежитии и возвращаться сюда почти каждые выходные.

– Вот как. – Я чувствовала, что она наблюдает за мной, и не знала, что делать с выражением лица.

– Мне нестерпимо хочется снова использовать свой мозг. От кручения букетов у меня голова идет кругом. Я хочу учиться. Хочу стать лучше. И мне до смерти надоело, что руки мерзнут от воды.

Мы обе посмотрели на ее руки, розовые даже в тропическом климате нашего дома.

– Но...

– Да. Я не буду работать, Лу. Я не смогу дать маме ни гроша. Возможно... возможно, мне даже понадобится небольшая помощь родителей. – Теперь Трине стало явно не по себе. Она подняла на меня почти извиняющийся взгляд.

Мама внизу смеялась над чем-то по телевизору. Было слышно, как она выступает перед дедушкой. Она часто объясняла ему сюжет шоу, хотя мы не раз говорили, что это лишнее. У меня отнялся язык. Важность слов сестры доходила до меня медленно, но верно. Я словно пала жертвой мафии и наблюдала, как бетон медленно застывает вокруг моих ног.

– Мне правда нужно это сделать, Лу. Я хочу большего для Томаса, большего для нас обоих. И единственный способ чего-то добиться – это вернуться в колледж. У меня нет Патрика. И не факт, что будет, поскольку после рождения Томаса никто не проявил ко мне ни малейшего интереса. Я должна все сделать сама. – Когда я ничего не ответила, она добавила: – Ради меня и ради Томаса.

Я кивнула.

– Лу? Ну пожалуйста!

Я никогда не видела сестру такой. Мне стало на редкость плохо. Я подняла голову и растянула губы в улыбке.

– Конечно, ты права. – Голос казался чужим, когда я наконец заговорила. – Мне просто надо привыкнуть к нему. В первые дни всегда тяжело, правда?

4

Минули две недели, и жизнь вошла в определенную колею. Каждое утро я приезжала в Гранта-хаус к восьми, оповещала о своем появлении, а затем, после того как Натан заканчивал одевать Уилла, внимательно выслушивала наставления о лекарствах Уилла или, что более важно, о его настроении.

После ухода Натана я настраивала радио или телевизор для Уилла, отмеряла таблетки, иногда толкла их маленьким мраморным пестиком в ступке. Как правило, минут через десять Уилл давал понять, что мое присутствие его утомило. После этого я пробавлялась мелкими домашними делами, стирала еще чистые кухонные полотенца или вычищала плинтуса и подоконники с помощью различных насадок для пылесоса, с религиозным рвением заглядывая к Уиллу каждые пятнадцать минут, как велела миссис Трейнор. Он неизменно сидел в кресле и смотрел на поблекший сад.

Позже я приносила ему воду или один из высококалорийных напитков, которые должны были поддерживать его вес и напоминали клейстер для обоев пастельного цвета, либо еду. Он мог немного шевелить кистями, но не руками, поэтому приходилось кормить его с ложечки. Это было самой неприятной частью дня. Мне почему-то казалось странным кормить взрослого мужчину, и от смущения я становилась неловкой и неуклюжей. Уилл ненавидел эти минуты так сильно, что даже не смотрел мне в глаза.

Ближе к часу возвращался Натан, и я, схватив куртку, выбегала на улицу. Иногда я обедала на автобусной остановке у замка. Было холодно, и я, наверное, представляла собой жалкое зрелище, ютясь с сэндвичами на жердочке, но мне было все равно. Я была не в силах провести в этом доме целый день.

Во второй половине дня я ставила фильм – Уилл был членом DVD-клуба, и новые фильмы приходили по почте каждый день, – но он ни разу не предложил мне посмотреть кино вместе, так что обычно я сидела на кухне или в гостевой комнате. Я стала брать с собой книгу или журнал, но испытывала странное чувство вины, оттого что бью баклуши, и не могла сосредоточиться на тексте. Иногда ближе к вечеру заглядывала миссис Трейнор... Впрочем, со мной она почти не разговаривала, только спрашивала, все ли в порядке, явно ожидая утвердительного ответа.

Она спрашивала Уилла, не нужно ли ему чего-то, иногда предлагала занятие на завтра – прогулку или встречу с другом, который спрашивал о его здоровье, – а он почти всегда пренебрежительно, если не грубо отказывался. Казалось, его слова причиняют ей боль, она теребила тонкую золотую цепочку и вновь исчезала.

Его отец, пухлый кроткий мужчина, обычно появлялся, когда я уже уходила. Такого мужчину легко представить в панаме, смотрящим крикетный матч. Вроде бы он заведовал делами замка, с тех пор как оставил хорошо оплачиваемую работу в городе. Наверное, чтобы «не потерять навык», подобно тому как великодушный землевладелец время от времени выкапывает картофелину-другую. Он заканчивал работать ровно в пять вечера и садился смотреть телевизор с Уиллом. Иногда мне в спину летело какое-нибудь замечание об увиденном в новостях.

За эти первые недели я узнала Уилла Трейнора ближе. Я заметила, что он, похоже, решил выглядеть совсем иначе, чем прежде: его светло-каштановые волосы торчали неопрятной копной, подбородок зарос щетиной. Серые глаза – из-за усталости или постоянного недомогания – окружала сетка морщин. Натан сказал, что Уилл редко чувствует себя хорошо. Глаза Уилла казались пустыми, как у человека, всегда на несколько шагов отстоящего от окружающего мира. Иногда мне думалось, что это защитный механизм, поскольку единственный способ примириться с подобной жизнью – сделать вид, будто это происходит не с тобой.

Мне хотелось его пожалеть. Правда хотелось. Когда я замечала, как он смотрит в окно, мне казалось, что он самый печальный человек на свете. С течением времени я поняла, что его состояние связано не только с сидением в кресле и утратой физической свободы, но и с бесконечной вереницей унижений и проблем со здоровьем, опасностей и дурного самочувствия. Я решила, что на месте Уилла тоже была бы ужасно несчастна.

Но Боже праведный, как гнусно он со мной обращался! На любые мои слова у него находился ядовитый ответ. Если я спрашивала, тепло ли ему, он рявкал, что вполне в состоянии попросить второе одеяло в случае необходимости. Если я спрашивала, не слишком ли громко гудит пылесос – я не хотела мешать смотреть фильм, – он спрашивал, не изобрела ли я способ пылесосить бесшумно. Когда я кормила его, он жаловался, что еда слишком горячая или слишком холодная или что я пихаю в него новую ложку до того, как он проглотил предыдущую. Уилл умел повернуть почти все, что я говорила или делала, таким образом, чтобы выставить меня душой.

За эти первые недели я научилась сохранять невозмутимое выражение лица. Просто поворачивалась и уходила в другую комнату и говорила с ним как можно меньше. Я начала его ненавидеть и уверена, что он это понимал.

Я не подозревала, что смогу скучать по своей старой работе еще больше, чем прежде. Мне не хватало Фрэнка и его искренней радости при виде меня по утрам. Не хватало клиентов, их общества и непринужденной беседы, которая вздымалась и опадала вокруг, подобно ласковому морю. Этот дом, дорогой и красивый, был неподвижным и тихим, как морг.

«Шесть месяцев, – повторяла я про себя, когда мне становилось невыносимо. – Шесть месяцев».

Как-то раз, в четверг, когда я смешивала высококалорийный напиток, который Уилл принимал поздним утром, в коридоре раздался голос миссис Трейнор. Но были и другие голоса. Я прислушалась, стиснув вилку, и смогла различить женский голос, молодой, с аристократическим выговором, и мужской.

Миссис Трейнор появилась в дверях кухни, и я притворилась, будто занята делом, оживленно взбивая содержимое стаканчика.

– Шестьдесят частей воды и сорок частей молока? – Она впилась глазами в напиток.

– Да. Это клубничный.

– К Уиллу заглянули друзья. Наверное, вам лучше...

– У меня хватает занятий на кухне.

По правде говоря, я испытала немалое облегчение, оттого что буду избавлена от его общества на час или около того. Я накрутила крышку на стаканчик.

– Ваши гости не желают чая или кофе?

– Да. – Она почти удивилась. – Это было бы очень кстати. Кофе. Пожалуй, я...

Миссис Трейнор казалась даже более напряженной, чем обычно, ее взгляд метнулся к коридору, откуда доносилось тихое бормотание. Вряд ли к Уиллу часто заходят друзья.

– Наверное... я оставляю их одних. – Она выглянула в коридор, явно думая о чем-то другом. – Руперт. Это Руперт, старый друг с работы. – Она внезапно по вернулась ко мне. Наверное, это почему-то было важно, и ей надо было с кем-то поделиться, хотя бы и со мной. – И Алисия. Они были... очень близки... какое-то время. Кофе был бы очень кстати. Благодарю, мисс Кларк.

Я мгновение помедлила, прежде чем открыть дверь бедром, удерживая в руках поднос.

– Миссис Трейнор сказала, что вы не отказались бы от кофе, – произнесла я, входя и опуская поднос на низенький столик.

Я вставила стаканчик Уилла в держатель на кресле, повернув соломинку таким образом, что он мог достать ее губами, и украдкой покосилась на гостей.

Сначала я обратила внимание на женщину. Длинноногая блондинка с бронзовой кожей. Такие женщины заставляют меня задуматься, действительно ли все люди принадлежат к одному биологическому виду. Скаковая лошадь в человеческом обличье. Я иногда встречала таких женщин: как правило, они взбирались по холму к замку, таща за собой маленьких детишек, одетых в «Боден»²⁰, а после звенели на все кафе хрустально-чистыми невозмутимыми голосами: «Гарри, милый, как насчет кофе? Хочешь, я узнаю, готовят ли здесь макиато?»²¹ Передо мной, несомненно, была женщина-макиато. От нее веяло деньгами, уверенностью, будто ей все должны, и жизнью, сошедшей со страниц глянцевого журнала.

Затем я вгляделась в нее повнимательнее и, вздрогнув, поняла, что это: а) женщина с лыжной фотографии Уилла и б) ей очень, очень не по себе.

Женщина поцеловала Уилла в щеку и отступила, натянуто улыбаясь. На ней был жилет из стриженного барашка (я в таком напоминала бы йети) и светло-серый кашемировый шарф, который она принялась теревить, как будто не могла решить, размотать его или нет.

– Неплохо выглядишь, – сказала она Уиллу. – Правда. Ты... немного оброс.

Уилл промолчал. Просто смотрел на нее, и лицо его было непроницаемым, как всегда. Я на мгновение исполнилась благодарности, что он не только на меня так смотрит.

– Новое кресло, да? – мужчина похлопал кресло Уилла по спинке, выпятив подбородок и одобрительно кивая, как будто восхищался первоклассным спортивным автомобилем. – Выглядит... чертовски замысловатым. Чертовски... продвинутым.

Я не знала, что делать. Секунду постояла, переминаясь с ноги на ногу, пока голос Уилла не нарушил тишину.

– Луиза, вы не могли бы подбросить дров в огонь? По-моему, он начал угасать. – Он впервые назвал меня по имени.

– Конечно, – откликнулась я.

Я захлопотала у печки, выбирая из корзины деревяшки подходящего размера.

– Боже, ну и холод на улице, – заметила женщина. – Что может быть лучше живого огня!

Я открыла дверцу печки и пошевелила тлеющие угли кочергой.

– Здесь определенно на несколько градусов холоднее, чем в Лондоне.

– Определенно, – согласился мужчина.

– Я собиралась купить печку. Она намного эффективнее, чем открытый огонь. – Алисия чуть наклонилась, чтобы осмотреть печку, как будто никогда их раньше не видела.

– Да, я тоже об этом слышал, – подтвердил мужчина.

– Надо заняться этим вопросом. Вечно откладываешь, а потом... – Она умолкла.

– Чудесный кофе, – добавила Алисия после паузы.

– Ну... что поделяваешь, Уилл? – В голосе мужчины чувствовалась нарочитая веселость.

– Почти ничего, как ни странно.

– А физиотерапия и так далее? Не отлыниваешь? Тебе... становится лучше?

– Вряд ли я скоро встану на лыжи, Руперт. – Голос Уилла сочился сарказмом.

Я чуть не улыбнулась. Узнаю старину Уилла! Я принялась сметать пепел с пола перед камином. Мне казалось, все наблюдают за мной. Тишина давила. Может, у меня ярлычок торчит из-за шивороты? Я подавила желание проверить.

– Итак... – наконец сказал Уилл. – Чему обязан удовольствием? Прошло... восемь месяцев?

– О да, я знаю. Прости. Я была... ужасно занята. У меня новая работа в Челси. Управляю бутиком Саши Голдстайн. Помнишь Сашу? По выходным я тоже много работала. Столько дел

²⁰ «Боден» – британская марка одежды для состоятельного среднего класса.

²¹ Макиато – кофе с небольшим количеством молока.

по субботам! Ни минутки не выкроить. – Голос Алисии стал ломким. – Я звонила пару раз. Мать тебе говорила?

– У нас в «Левинс» такая карусель закрутилась! Ты... ты и сам знаешь, как это бывает, Уилл. У нас новый партнер. Парень из Нью-Йорка. Бейнс. Дэн Бейнс. Вы с ним встречались?

– Нет.

– Чертов парень, похоже, работает двадцать четыре часа в сутки и от остальных ожидает того же. – Мужчина явно испытал облегчение, направив разговор в привычное русло. – Ты же знаешь рабочую этику янки – больше никаких долгих обеденных перерывов, никаких грязных шуток... Уилл, ты не поверишь. Совсем другая атмосфера стала.

– Неужели?

– О боже, да. Самый настоящий презентеизм²². Иногда мне страшно встать со стула.

Я встала и вытерла ладони о джинсы.

– Пойду... принесу еще дров, – пробормотала я примерно в сторону Уилла. Подхватила корзину и сбежала.

На улице было морозно, но я не спешила, старательно выбирая деревяшки, чтобы убить время. Я пыталась решить, что лучше – отморозить палец-другой или вернуться в комнату. Но было слишком холодно. Указательный палец, которым я пользовалась при шитье, посинел первым, и наконец пришлось признать поражение. Я как можно медленнее несла дрова по коридору. Подходя к гостиной, я услышала женский голос сквозь приоткрытую дверь.

– Вообще-то, Уилл, мы пришли не просто так, – говорила она. – У нас... новость.

Я помедлила у двери, обхватив корзину с дровами.

– Я подумала... то есть мы подумали... что нужно сказать тебе... а, ладно, дело вот в чем. Мы с Рупертом собираемся пожениться.

Я застыла на месте, прикидывая, можно ли развернуться так, чтобы меня не услышали.

– Послушай, я знаю, для тебя это шок, – сбивчиво продолжала женщина. – Если честно, для меня тоже. Мы... ну... это началось далеко не сразу...

У меня заболели руки. Я посмотрела на корзину, пытаюсь сообразить, что делать.

– Ты же знаешь, мы... с тобой... – Снова тяжелое молчание. – Уилл, пожалуйста, скажи что-нибудь.

– Поздравляю, – наконец произнес он.

– Я знаю, что ты думаешь. Но мы ничего такого не планировали. Честно. Мы ужасно долго были просто друзьями. Друзьями, которые беспокоились о тебе. Просто Руперт стал для меня надежной опорой после несчастного случая с тобой...

– Как благородно.

– Не надо так говорить. Это просто ужасно. Я так боялась тебе рассказывать. Мы оба боялись.

– Очевидно, – равнодушно заметил Уилл.

– Послушай, – раздался голос Руперта, – мы пришли только потому, что беспокоимся о тебе. Не хотели, чтобы ты услышал от кого-то другого. Но, знаешь ли, жизнь продолжается. Ну конечно знаешь. В конце концов, прошло два года.

Молчание. Я поняла, что не хочу ничего больше слышать, и начала тихонько отступать от двери, побряхтывая от напряжения. Но Руперт заговорил громче, и я все равно его услышала.

– Ну же, приятель. Я знаю, это ужасно тяжело... все это... Но если тебе не плевать на Лиссу, ты должен желать ей добра.

– Скажи что-нибудь, Уилл. Пожалуйста.

Я словно видела его лицо, одновременно непроницаемое и с легкой примесью презрения.

²² Презентеизм – ситуация, когда сотрудники компании работают больше необходимого или выходят на работу нездоровыми.

– Поздравляю, – наконец сказал он. – Уверен, вы будете очень счастливы вместе.

Алисия начала невнятно протестовать, но Руперт ее прервал:

– Идем, Лисса. Нам лучше уйти. Уилл, ты не думай, что мы явились за благословением. Это простая вежливость. Лисса считала... то есть мы оба считали... что тебе надо знать. Извини, старина. Я... я надеюсь, что твои дела наладятся и что ты меня найдешь, когда... ну, ты знаешь... когда все немного уляжется.

Я услышала шаги и склонилась над корзиной с дровами, как будто только что вошла. В коридоре раздался шум, и передо мной появилась Алисия. Ее глаза были красными, как будто она собиралась расплакаться.

– Можно мне воспользоваться ванной? – Ее голос был хриплым и сдавленным.

Я медленно подняла палец и молча ткнула им в сторону ванной.

Она пристально взглянула на меня, и я поняла, что, вероятно, мои чувства отразились на лице. Я никогда не умела их скрывать.

– Я знаю, о чем вы думаете, – помолчав, произнесла она. – Но я старалась. Правда старалась. Много месяцев. А он только отталкивал меня. – Алисия выпятила подбородок, и лицо ее, как ни странно, стало разъяренным. – Он действительно не хотел, чтобы я была рядом. Он ясно дал это понять. – Она словно ждала от меня ответа.

– Это не мое дело, – наконец произнесла я.

Мы стояли лицом к лицу.

– Знаете, помочь можно только тому, кто готов принять помощь, – сказала она.

С этими словами она ушла.

Я подождала пару минут, слушая шелест колес машины по подъездной дорожке, и направилась на кухню. Я поставила чайник на огонь, хотя вовсе не хотела чаю. Полистала журнал, который уже читала. Наконец я вернулась в коридор, кряхтя, подняла корзину с дровами и потащила ее в гостиную, чуть стукнув по двери, прежде чем войти, чтобы сообщить Уиллу о своем вторжении.

– Я хотела спросить, не нужно ли вам... – начала я.

Но в комнате никого не было.

Совсем никого.

И тогда я услышала грохот. Я выбежала в коридор, и грохот раздался снова, а за ним звон стекла. Шум доносился из спальни Уилла. О боже, только бы он не поранился. Я запаниковала – предупреждение миссис Трейнор гудело у меня в голове. Я оставила Уилла одного больше чем на пятнадцать минут.

Я пробежала по коридору и замерла в дверях, цепляясь за косяк обеими руками. Уилл сидел посреди комнаты, выпрямив спину. На подлокотниках кресла лежала трость, выступая на восемнадцать дюймов влево, – настоящее турнирное копьё. На длинных полках не осталось ни одной фотографии, разбитые дорогие рамки были раскиданы по полу, из ковра торчали сверкающие осколки стекла. Колени Уилла были усыпаны стеклянным крошевом и деревянными щепками. Я разглядывала сцену разрушения, и мой пульс постепенно замедлялся, по мере того как до меня доходило, что Уилл не пострадал. Он тяжело дышал, как будто потратил немало сил, чтобы учинить разгром.

Он повернулся ко мне в кресле, хрустя стеклом. Наши взгляды встретились. Его глаза были бесконечно усталыми. «Только попробуй меня пожалеть», – как бы говорили они.

Я посмотрела на его колени, а затем на пол вокруг. Мне показалось, что я разглядела их с Алисией фотографию – лицо женщины было закрыто погнутой серебряной рамкой, неотличимое от других жертв.

Я сглотнула, глядя на пол, и медленно подняла глаза. Наши взгляды скрестились на несколько секунд, показавшихся вечностью.

– Не боитесь проколоть шины? – наконец спросила я, кивнув на кресло. – А то я понятия не имею, куда задевала домкрат.

Его глаза расширились. На мгновение мне показалось, что я все испортила. Но на его лице мелькнула слабая тень улыбки.

– Ладно, не двигайтесь, – сказала я. – Схожу за пылесосом.

Я услышала, как трость упала на пол. Когда я выходила из комнаты, мне показалось, что Уилл произнес: «Извините».

В «Голове короля» всегда было полно народу вечером в четверг, а в углу кабинета – и того теснее. Я сидела между Патриком и каким-то парнем по имени Раттер, время от времени поглядывая на бляшки с конской упряжи, прибитые к дубовым балкам над головой, и на фотографии замка, развешанные по перекладинам. Я пыталась делать вид, будто меня хоть немного интересует разговор, посвященный главным образом проценту жира в организме и углеводной нагрузке.

Я всегда считала собрания «Титанов триатлона из Хейлсбери», проходившие раз в две недели, худшим кошмаром владельца паба. Алкоголь пила только я, и мой одинокий пакетик из-под хрустящего картофеля валялся, скомканный, на столе. Остальные потягивали минеральную воду или изучали соотношение подсластителей в диетической коле. Когда они наконец заказывали еду, в салатах нельзя было найти и капли масла, чтобы смазать листья, и со всех кусочков курицы была жестоко ободрана кожа. Я часто заказывала чипсы, просто чтобы посмотреть, как остальные делают вид, будто им совсем не хочется.

– Фил скис миль через сорок. Утверждает, будто слышал голоса. Ноги словно свинцовые. Вы бы видели его лицо – как у зомби.

– Я тут примерил эти новые японские балансирующие кроссовки. Срезал пятнадцать минут с десятимильной дистанции.

– Умоляю, забудьте о мягких велосипедных чехлах. Найджел заявился с таким в лагерь триатлонистов – не отличить от чертова портплекда.

Не могу сказать, что мне нравились собрания «Титанов триатлона», но с моей сверхурочной работой и расписанием тренировок Патрика они были одной из редких возможностей его видеть. Он сидел рядом со мной, его мускулистые бедра были обтянуты шортами, несмотря на страшный холод на улице. Для членов клуба было делом чести носить как можно меньше одежды. Мужчины были жилистыми и хвастали загадочными и дорогими спортивными нарядами, обладавшими превосходным впитыванием влаги или исключительной легкостью. Их звали Скад или Триг, и они сгибали друг перед другом части тела, демонстрируя травмы или декларируемый рост мышц. Девушки не применяли косметики, и лица их были красными от долгих пробежек по морозу. Они смотрели на меня с легким отвращением... или даже с непониманием, несомненно прикидывая в уме мое соотношение жира и мышц и находя его далеким от идеала.

– Это было ужасно, – сказала я Патрику, размышляя, можно ли заказать чизкейк и избежать убийственных взглядов. – Его девушка и его лучший друг.

– Ты не можешь ее винить, – возразил он. – Ты же не останешься со мной, если меня парализует ниже шеи.

– Разумеется, останусь.

– Нет, не останешься. И я не стал бы от тебя этого требовать.

– А я все равно осталась бы.

– Но я бы этого не хотел. Я бы не хотел, чтобы кто-то оставался со мной из жалости.

– При чем тут жалость? Ты был бы тем же самым человеком.

– Нет, не был бы. Я стал бы совершенно другим. – Патрик сморщил нос. – Мне не хотелось бы жить. Я бы зависел от других даже в мелочах. Когда чужие люди подтирают тебе зад...

Между нами влез мужчина с бритой головой:

– Пат, ты пробовал новый гелевый напиток? На прошлой неделе он взорвался у меня в рюкзаке. В жизни не видел ничего подобного.

– Нет, не пробовал, Триг. Бананы и «Лукозейд»²³ – вот мой выбор.

– Даззер пил диетическую колу на триатлоне «Норвежец»²⁴. А на трех тысячах футов его стошнило. Вот смеху было!

Я вяло улыбнулась.

Бритоголовый исчез, и Патрик снова повернулся ко мне, явно продолжая обдумывать судьбу Уилла.

– Боже. Ты только подумай, чего я лишился бы... – покачал он головой. – Никакого бега, никакого велосипеда. – Он посмотрел на меня, как будто только что сообразил. – Никакого секса.

– Почему же? Просто женщина должна быть сверху.

– Ну, значит, точно никакого секса.

– Смешно.

– Кроме того, если ты парализован ниже шеи, наверное... гм... хозяйство не работает как надо.

Я подумала об Алисии. «Я старалась, – сказала она. – Правда старалась. Много месяцев».

– Уверена, это зависит от человека. В любом случае должен найтись способ, если... проявить творческий подход.

– Ха! – Патрик отпил воды. – А ты спроси его завтра. Слушай, ты говорила, что он ужасен. Возможно, он был ужасен еще до несчастного случая. Возможно, она бросила его именно поэтому. Тебе подобное не приходило в голову?

– Не знаю... – Я подумала о фотографии. – Они казались такой счастливой парой.

С другой стороны, разве фотография что-то доказывает? У меня стояла фотография в рамке, на которой я улыбалась Патрику, как будто он только что вынес меня из горящего дома, хотя на самом деле я назвала его хреном собачьим, а он искренне послал меня куда подальше. Патрик утратил интерес к разговору.

– Эй, Джим... Джим, ты видел этот новый легкий велосипед? Как он тебе?

Я позволила ему сменить тему, думая о том, что сказала Алисия. Я без труда могла представить, как Уилл отталкивает ее. Но если ты любишь кого-то, разве не нужно быть с ним рядом? Помочь выбраться из депрессии? В болезни и здравии и так далее?

– Тебе взять еще выпить?

– Водку с тоником. Тоник без сахара, – добавила я, когда он поднял бровь.

Патрик пожал плечами и направился к бару.

Я начала испытывать легкое чувство вины, оттого что мы обсуждали моего работодателя. Особенно когда поняла, что ему, наверное, приходилось терпеть это постоянно. Невозможно удержаться от обсуждения самых интимных аспектов его жизни. Я отключилась. Разговор шел о тренировочных выходных в Испании. Я прислушивалась вполуха, пока не вернулся Патрик и не ткнул меня в бок.

– Как тебе эта идея?

– Какая?

– Выходные в Испании. Вместо Греции. Можешь расслабиться у бассейна, если сорок миль на велосипеде тебя не привлекают. Есть дешевые авиабилеты. Через шесть недель. Теперь, когда у тебя завелись деньги...

²³ «Лукозейд» – витаминизированный напиток.

²⁴ Триатлон «Норвежец» – экстремальный триатлон, последний участок которого – подъем в гору.

– Ну, не знаю... – Я подумала о миссис Трейнор. – Не уверена, что мне позволят отлучиться так скоро.

– Тогда я съезжу один, если ты не против. Мне не повредит высотная тренировка. Я мечтаю о большем.

– О чем – о большем?

– О триатлоне. «Викинг экстрим». Шестьдесят миль на велосипеде, тридцать миль бегом и славный долгий заплыв среди северных льдин.

О «Викинге» говорили с уважением, его участники гордились травмами, словно ветераны давней и чертовски жестокой войны. Патрик едва не причмокивал губами от предвкушения. Я покосилась на своего парня, и мне пришло в голову, не пришелец ли он. На мгновение мне показалось, что уж лучше бы он торговал всякой ерундой по телефону и не мог пройти мимо бензозаправки, не набив карманы батончиками «Марс».

– Ты собираешься в нем участвовать?

– А почему нет? Я никогда не был в лучшей форме.

Я вспомнила о бесконечных дополнительных тренировках... о долгих разговорах о весе и дистанции, форме и выносливости. В последнее время привлечь внимание Патрика было особенно тяжело.

– Можешь пройти дистанцию вместе со мной, – предложил он, хотя мы оба знали, что он в это не верит.

– Это твое дело, – сказала я. – Конечно. Участвуй, если хочешь.

И я заказала чизкейк.

Если я думала, что вчерашние события приведут к оттепели в Гранта-хаусе, то ошибалась.

Я широко улыбнулась Уиллу и бодро воскликнула: «Привет!», но он даже не удосужился отвернуться от окна.

– Плохой день, – пробормотал Натан, натягивая куртку.

Утро было мерзким, с нависшими тучами, дождь лениво стучал по стеклам, и сложно было представить, что солнце когда-нибудь проглянет. Даже мне было тоскливо в подобные дни. Неудивительно, что Уиллу приходилось еще хуже. Я приступила к утренней рутине, постоянно напоминая себе, что это неважно. Разве обязательно, чтобы работодатель тебе нравился? Многим людям не нравится. Я подумала о начальнице Трины, серийной разведенке с напряженным лицом, которая следила, сколько раз сестра выходит в туалет, и отпускала едкие комментарии, если считала, что активность ее мочевого пузыря выходит за рамки разумного. Кроме того, я уже выдержала две недели. А значит, осталось всего пять месяцев и тринадцать рабочих дней.

Фотографии лежали аккуратной стопкой в нижнем ящике, куда я убрала их вчера, и теперь, сидя на корточках на полу, я начала раскладывать и разбирать их, прикидывая, какие рамки смогу починить. Я неплохо умею чинить вещи. К тому же мне казалось, что это неплохой способ убить время.

Я занималась этим минут десять, когда тихий гул электрического инвалидного кресла предупредил о появлении Уилла.

Он сидел в дверях и наблюдал за мной. Под его глазами залегли темные тени. Натан говорил, что иногда он почти не спит. Мне не хотелось думать, каково это – лежать в предрассветные часы в кровати, из которой не можешь выбраться, в компании одних лишь мрачных мыслей.

– Решила посмотреть, нельзя ли починить какие-нибудь рамки. – Стараясь выглядеть жизнерадостной, я подняла фотографию, на которой он прыгал с тарзанкой. «Ему нужен кто-то бодрый, кто-то оптимистичный».

– Зачем?

– Ну... мне показалось, – заморгала я, – что некоторые еще можно спасти. У меня с собой клей для дерева, на случай если вы разрешите попробовать. Или, если нужны новые, я могу во время обеденного перерыва сбежать в город и поискать замену. Или съездим вместе, если вы не против прогуляться...

– Кто вам велел их чинить? – пристально посмотрел на меня он.

«Ой-ой-ой», – подумала я.

– Я... я просто пыталась помочь.

– Вы хотели исправить то, что я сделал вчера.

– Я...

– Знаете что, Луиза? Было бы очень мило – хоть раз в жизни, – если бы кто-нибудь обратил внимание на то, чего хочу я. Я не случайно расколотил эти фотографии. Это не была попытка радикального изменения дизайна интерьера. Я действительно не хотел их больше видеть.

– Простите. – Я поднялась на ноги. – Я не подумала...

– Вы считали, что вам виднее. Все считают, будто знают, что мне нужно. «Давайте починим эти чертовы снимки. Пусть бедному инвалиду будет на что посмотреть». Я не желаю, чтобы эти чертовы снимки таращились на меня каждый раз, когда я торчу в кровати, пока кто-нибудь не вынет меня оттуда. Ясно? Как по-вашему, вы в состоянии это усвоить?

Я сглотнула.

– Я не собиралась чинить снимок с Алисией... Я не настолько глупа... Просто мне показалось, что со временем вы можете...

– О боже... – Он отвернулся от меня, его голос был язвительным. – Избавьте меня от психотерапии. Идите и читайте свои чертовы желтые журнальчики, или чем вы там занимаетесь, когда не готовите чай.

Мои щеки пылали. Я смотрела, как он пытается вписаться в узкий коридор, и сама не знаю, как выпалила:

– Вовсе не обязательно вести себя как последний козел!

Слова повисли в тишине.

Кресло остановилось. После долгой паузы он дал задний ход и медленно повернулся лицом ко мне, держась за маленький рычаг управления.

– Что?

Я смотрела на него, и мое сердце колотилось.

– Вы дерьмово обошлись с друзьями. Прекрасно. Вероятно, они это заслужили. Но я-то стараюсь, как могу, день за днем. И буду очень признательна, если вы не станете портить мне жизнь, как всем остальным.

Глаза Уилла распахнулись чуть шире. Он немного помедлил, прежде чем открыть рот.

– А если я скажу, что вы мне не нужны?

– Меня наняли не вы. Меня наняла ваша мать. И если только она не скажет, что больше не нуждается в моих услугах, я останусь. Не потому, что мне есть до вас дело, и не потому, что мне нравится эта дурацкая работа, и не потому, что хочу изменить вашу жизнь, а потому, что мне нужны деньги. Ясно? Мне правда нужны деньги.

Лицо Уилла Трейнора почти не изменилось, но я заметила на нем удивление, как будто он не привык, чтобы с ним не соглашались.

«Вот черт, – подумала я, начиная понимать, во что влипла. – На этот раз я действительно все испортила».

Но Уилл только смотрел на меня, а когда я не отвернулась, еле слышно вздохнул, как будто собирался сказать что-то неприятное.

– Ладно, – произнес он и развернул кресло. – Просто положите фотографии в нижний ящик, хорошо? Все фотографии.
И с тихим гулом он исчез.

5

Когда тебя катапультирует в совершенно новую жизнь – или, по крайней мере, с размаху прижимает к чужой жизни, словно лицом к окну, – приходится переосмыслить, кто ты есть. Или каким тебя видят другие.

За четыре короткие недели интерес родителей ко мне поднялся на пару-тройку пунктов. Я стала каналом в другой мир. Особенно для мамы, которая каждый день расспрашивала меня о Гранта-хаусе и его укладе, подобно зоологу, методично изучающему неизвестное науке существо и его привычки. «Миссис Трейнор пользуется льняными салфетками во время еды?» – спрашивала она, или: «Как по-твоему, они пылесосят каждый день, как и мы?», или: «А что они делают с картофелем?».

По утрам мама провожала меня строгими наставлениями выяснить, какую марку туалетной бумаги они используют и сделаны ли простыни из смеси полиэстера и хлопка. Как правило, она была глубоко разочарована тем, что я толком не помню. Мама втайне была убеждена, что аристократы живут как свиньи, с тех пор как в шесть лет я рассказала ей о школьной подруге с изысканным выговором, мать которой запрещала нам играть в гостиной, «потому что мы поднимем пыль».

Когда я возвращалась с отчетом, что да, собаке определенно позволяют есть на кухне, и нет, Трейноры не моют переднее крыльцо каждый день, мама поджимала губы, косилась на отца и кивала с тихим удовлетворением, будто я только что подтвердила все ее подозрения насчет неопытности высших классов.

В силу зависимости от моего дохода или, возможно, того факта, что родители знали, как сильно мне не нравится эта работа, ко мне стали относиться с чуть большим уважением. Особых преимуществ это не принесло – в случае папы это означало, что он перестал называть меня «толстой задницей», а в случае мамы – что обычно по возвращении домой меня ждала кружка чая.

Для Патрика и моей сестры ничего не изменилось – на меня по-прежнему сыпались насмешки, объятия, поцелуи и кислые мины. Я тоже не ощущала перемен. Я выглядела так же, как и раньше, и одевалась, по выражению Трины, как после боя без правил в благотворительном магазине.

Я понятия не имела, что обо мне думает большинство обитателей Гранта-хауса. Уилл был непроницаем. Для Натана, вероятно, я оставалась всего лишь очередной наемной сиделкой. Он был достаточно дружелюбен, но близко не подпускал. Мне казалось, он сомневается, что я пробуду здесь долго. Мистер Трейнор вежливо кивал, когда мы встречались в прихожей, и время от времени спрашивал, нет ли на улицах пробок и хорошо ли я устроилась. Не уверена, что он узнал бы меня, если бы встретил в другой обстановке.

Но для миссис Трейнор – о боже! – для миссис Трейнор я, несомненно, была самым глупым и самым безответственным человеком на свете.

Это началось с фоторамок. Ничто в доме не ускользало от внимания миссис Трейнор, и я могла бы догадаться, что раздавленные рамки будут расценены как землетрясение. Она выпрашивала, как долго Уилл оставался один, что его спровоцировало, как быстро я устроила беспорядок. Она не то чтобы критиковала меня – она была слишком хорошо воспитана, даже чтобы просто повысить голос, – но все было предельно ясно по тому, как она медленно моргала, услышав мои ответы, и тихонько хмыкала в такт моим словам. Я ничуть не удивилась, когда Натан сказал, что она работает мировым судьей.

Она склонна думать, что мне лучше впредь не оставлять Уилла в одиночестве так долго, какой бы неловкой ни была ситуация. «Хм». Она склонна думать, что в следующий раз, протирая пыль, я не стану ставить вещи так близко к краю, что их можно будет случайно сбить

на пол. «Хм». Похоже, она предпочитала верить, будто то была случайность. Миссис Трейнор выставила меня первоклассной идиоткой, и в результате я становилась первоклассной идиоткой в ее присутствии. Она всегда заходила, когда я что-нибудь роняла на пол или сражалась с кухонным таймером, либо стояла в коридоре со слегка недовольным видом, когда я возвращалась с улицы с дровами, как будто я отсутствовала намного дольше, чем на самом деле.

Как ни странно, ее отношение раздражало больше, чем грубость Уилла. Пару раз мне даже хотелось спросить напрямик, все ли в порядке.

«Вы сказали, что берете меня за бойкий нрав, а не за профессиональные навыки, – вертелось на языке. – Прекрасно, я порхаю с утра до вечера. Бодрая и жизнерадостная, как вы и хотели. Так в чем дело?»

Но Камилла Трейнор была не из тех женщин, с кем можно так разговаривать. К тому же во мне крепло подозрение, что в этом доме никто и никогда не говорит напрямик.

«У Лили, нашей предыдущей девушки, была прекрасная привычка жарить на этой сковороде два вида овощей одновременно», что означало: «Ты устраиваешь слишком много беспорядка».

«Как насчет чашечки чая, Уилл?» на самом деле означало: «Я понятия не имею, о чем с тобой говорить».

«Мне нужно разобрать бумаги» означало: «Ты был груб, и я намерена покинуть эту комнату».

Все это произносилось со слегка страдающим видом, и тонкие пальцы теребили цепочку с крестиком. Миссис Трейнор была такой сдержанной, такой отстраненной. Рядом с ней моя мама казалась Эми Уайнхаус²⁵. Я вежливо улыбалась, делая вид, что ничего не заметила, и выполняла работу, за которую мне платили. Или, по крайней мере, старалась.

– Какого черта вы пытаетесь накормить меня морковкой?

Я посмотрела на тарелку. Я разглядывала телеведущую и прикидывала, не выкрасить ли волосы в такой же цвет.

– Что? Ничего подобного.

– Нет, пытаетесь. Вы раздавили морковку и подмешали в подливку. Я все видел.

Я покраснела. Он был прав. Я сидела и кормила Уилла, и мы оба впотьмах следили за обеденным выпуском новостей. На обед был ростбиф с картофельным пюре. Мать Уилла велела положить на тарелку три вида овощей, хотя он четко сказал, что сегодня не хочет овощей. Кажется, вся еда, которую меня вынуждали готовить, была до отвращения сбалансирована по составу.

– Почему вы пытаетесь запихнуть в меня морковку?

– Я не пытаюсь.

– По-вашему, здесь нет морковки?

– Ну... – Я взглянула на крошечные оранжевые кусочки. – Есть...

Он ждал, подняв брови.

– Э-э-э... наверное, я думала, что овощи пойдут вам на пользу.

Отчасти я так ответила из уважения к миссис Трейнор, отчасти в силу привычки. Я привыкла кормить Томаса, пряча овощное пюре под горами картошки или внутри макарон. Каждый кусочек, который удавалось в него запихнуть, казался маленькой победой.

– Можно я уточню? Вы считаете, что чайная ложка морковки улучшит качество моей жизни?

Звучит и правда глупо. Но я привыкла не пугаться, что бы Уилл ни сказал или ни сделал.

– Я вас поняла, – спокойно ответила я. – Больше этого не повторится.

²⁵ Эми Уайнхаус (1983–2011) – эксцентричная английская певица, страдавшая алкогольной и наркотической зависимостью.

И вдруг Уилл Трейнор расхохотался. Прямо взорвался смехом, как будто сам не ожидал. – Господь всемогущий, – покачал он головой. Я глядела на него. – Что еще вы запихали мне в еду? Сейчас вы попросите меня открыть тоннель, чтобы Мистер Поезд мог доставить немного кашицы из брюссельской капусты на чертову Станцию Язык?

Я обдумала его слова.

– Нет, – с непроницаемым видом ответила я. – Я знакома только с Мистером Вилкой. Мистер Вилка совсем не похож на поезд.

Так несколько месяцев назад заявил ее племянник Томас.

– Вас заставила моя мать?

– Нет. Уилл, прошу, извините. Я просто... не подумала.

– Тоже мне редкость.

– Ладно-ладно. Я уберу чертову морковку, если она вас так расстраивает.

– Меня расстраивает не чертова морковка. Меня расстраивает, что ее подмешала мне в еду сумасшедшая, которая называет столовые приборы Мистером и Миссис Вилкой.

– Я пошутила. Послушайте, давайте я уберу морковку и...

– Я больше ничего не хочу. – Он отвернулся. – Просто заварите чай. И не пытайтесь подмешать в него чертов цуккини! – добавил он в спину.

Натан вошел, когда я заканчивала мыть посуду.

– Уилл в хорошем настроении, – заметил он, когда я протянула ему кружку.

– Неужели? – Я ела свои сэндвичи на кухне.

На улице было невыносимо холодно, и почему-то в последнее время дом казался уже не таким негостеприимным.

– Он говорит, что ты пытаешься его отравить. Но он сказал это... ну, знаешь... в хорошем смысле.

Как ни странно, слова Натана мне польстили.

– Ну... ладно... – постаралась я скрыть радость. – Дай только срок!

– И говорит он чуть больше, чем раньше. Он мог неделями не проронить ни слова, но в последние дни слегка разговорился.

Я вспомнила, как Уилл сказал, что, если я не перестану свистеть, ему придется сбить меня креслом.

– Пожалуй, большая разница, кого назвать разговорчивым – его или меня.

– Ну, мы немного поболтали о крикете. И вот что я тебе скажу. – Натан понизил голос. – С неделю назад миссис Ти спросила, как мне кажется, хорошо ли ты справляешься. Я ответил, что, по-моему, ты очень профессиональна, но я знаю, она имела в виду другое. А вчера она зашла и сказала, что слышала, как вы смеялись.

Я вспомнила прошлый вечер.

– Он смеялся надо мной, – поправила я.

Уилла рассмешило, что я не знала, что такое песто²⁶. Я сказала ему: «На ужин макароны в зеленой подливке».

– Да какая ей разница. Он так давно ни над чем не смеялся.

Это правда. Мы с Уиллом вроде наконец-то ладили. Заклучалось это в том, что он грубил мне, а я иногда грубила в ответ. Он утверждал, что я плохо выполнила его просьбу, а я отвечала, что, если бы ему было не все равно, он попросил бы как следует. Он бранил меня, называл «гвоздем в заднице», а я парировала, что пусть попробует обойтись без этого «гвоздя» и посмотрим, как долго он протянет. Все это было немного наигранно, но, похоже, устраивало нас обоих. Иногда даже казалось, что Уилл испытывает облегчение, оттого что кто-то готов нагругить ему, возразить или заявить, что он ведет себя ужасно. Видимо, после аварии

²⁶ Песто – итальянский соус на основе оливкового масла, базилика, сыра и семян пинии.

все ходили вокруг него на цыпочках... кроме, может быть, Натана, к которому Уилл, похоже, машинально относился с уважением и который был неуязвим для любых ядовитых замечаний. Натан был бронированным автомобилем в человеческом обличье.

– Просто постарайся, чтобы он чаще над тобой насмеялся, хорошо?

– О, это не проблема. – Я поставила кружку в раковину.

Еще одной значительной переменой, не считая атмосферы в доме, было то, что Уилл уже не требовал так часто, чтобы я оставила его в покое, а пару раз даже предложил посмотреть с ним кино. Я охотно посмотрела «Терминатора», хотя уже видела все части, но, когда Уилл указал мне на французский фильм с субтитрами, мельком глянула на обложку и вежливо отказалась.

– Почему?

– Я не люблю фильмы с субтитрами, – пожалала я плечами.

– Это все равно что не любить фильмы с актерами. Не будьте дурой. Что именно вам не нравится? То, что нужно читать, а не только смотреть?

– Просто я не люблю иностранные фильмы.

– Чертов «Местный герой»²⁷ – последний неиностранный фильм. Или, по-вашему, Голливуд – пригород Бирмингема?

– Смешно.

Уилл не мог поверить, когда я призналась, что ни разу не видела фильма с субтитрами. Но по вечерам у нас дома на пульт дистанционного управления претендовали родители, а Патрика легче было заманить на вечерние курсы вязания крючком, чем на показ иностранного фильма. В мультиплексе ближайшего городка показывали только свежие боевики или романтические комедии, и залы были настолько переполнены улюлюкающими подростками в толстовках с капюшонами, что большинство окрестных жителей редко туда заглядывали.

– Вы должны посмотреть этот фильм, Луиза. Собственно говоря, я вам приказываю. – Уилл откатился назад и кивнул на обычное кресло. – Садитесь. И не двигайтесь, пока фильм не закончится. Ни разу не видела иностранного фильма! Боже праведный, – пробормотал он.

Это был старый фильм о горбуне, который унаследовал дом в деревенской глуши, и Уилл сказал, что он снят по знаменитой книге, о которой я никогда не слышала²⁸. Первые двадцать минут я никак не могла уgomониться. Меня раздражали субтитры, и я гадала, рассердится ли Уилл, если я скажу, что мне надо в туалет.

А потом что-то случилось. Я перестала думать о том, как сложно одновременно слушать и читать, забыла о расписании приема таблеток и о том, что миссис Трейнор может подумать, будто я отлыниваю, и начала переживать из-за несчастного горбуна и его семьи, над которыми издевались бессовестные соседи. К тому времени, как горбун умер, я тихонько рыдала, промочив соплями рукав.

– Ну что ж... – Уилл появился рядом и лукаво посмотрел на меня. – Вам совсем не понравилось.

Я подняла глаза и с удивлением обнаружила, что на улице стемнело.

– Теперь вы будете злорадствовать, – пробормотала я, потянувшись за коробкой с салфетками.

– Немного. Я просто удивлен, как вы могли достигнуть столь преклонного возраста и... Кстати, сколько вам лет?

– Двадцать шесть.

²⁷ «Местный герой» – английский фильм 1983 года.

²⁸ «Жан де Флоретт» – экранизация одноименного романа французского драматурга и кинорежиссера Марселя Паньоля (1895–1974).

– Вам двадцать шесть, и вы ни разу не видели фильма с субтитрами. – Он следил, как я промокаю глаза.

Я посмотрела на салфетку и обнаружила, что стерла всю тушь.

– Я не знала, что это обязательно, – проворчала я.

– Хорошо. И как же вы убиваете время, Луиза Кларк, если не смотрите фильмы?

– Хотите знать, чем я занимаюсь в нерабочее время? – Я скомкала салфетку в кулаке.

– Разве не вы хотели, чтобы мы поближе узнали друг друга? Ну так расскажите о себе.

Как обычно, по его тону нельзя было понять, не издевается ли он. Похоже, пришло время расплаты.

– Зачем? – спросила я. – Откуда такой внезапный интерес?

– Господь всемогущий! Тоже мне государственная тайна. – Похоже, он начал злиться.

– Не знаю... – начала я. – Выпиваю в пабе. Немного смотрю телевизор. Смотрю, как мой парень бежит. Ничего особенного.

– Вы смотрите, как ваш парень бежит.

– Да.

– Но сами не бегаете.

– Нет. Я для этого... – Я посмотрела на свою грудь. – Не приспособлена.

– Что еще? – улыбнулся он.

– В каком смысле еще?

– Хобби? Путешествия? Любимые места?

Уилл напоминал школьного консультанта по профориентации.

– У меня нет настоящих хобби. – Я пошевелила мозгами. – Немного читаю. Люблю наряжаться.

– Удобно, – сухо заметил он.

– Вы сами спросили. Нет у меня никаких хобби. – Как ни странно, я принялась защищаться. – Ничего я особо не делаю, ясно? Работаю и возвращаюсь домой.

– А где вы живете?

– По другую сторону замка. На Ренфру-роуд.

Уилл непонимающе смотрел на меня. Ну конечно! Две стороны замка – два мира.

– Это неподалеку от шоссе с двусторонним движением. Рядом с «Макдоналдсом».

Он кивнул, хотя вряд ли представлял, о чем я говорю.

– Отдых?

– Я съездила в Испанию с Патриком. Моим парнем, – добавила я. – В детстве мы не бывали дальше Дорсета. Или Тенби. Моя тетя живет в Тенби.

– И чего вы хотите?

– Чего я хочу?

– От жизни?

– Это вроде бы слишком личное, – заморгала я.

– Необязательно вдаваться в подробности. Я не прошу вас заняться психоанализом. Просто спрашиваю: чего вы хотите? Выйти замуж? Нарожать спиногрызов? Сделать карьеру? объездить весь мир?

Последовала долгая пауза.

Наверное, я знала, что мой ответ его разочарует, еще до того, как произнесла:

– Не знаю. Никогда об этом толком не думала.

В пятницу мы отправились в больницу. Хорошо, что я не знала о визите Уилла к врачу до того, как пришла на работу, иначе не спала бы всю ночь, переживая из-за того, как повезу его туда. Я умею водить, это правда. Примерно так же, как говорить по-французски. Да, я сдала соответствующий экзамен. Но с тех пор использовала данный навык не чаще раза в год.

Мысль о том, чтобы погрузить Уилла и его кресло в специальный микроавтобус и благополучно отвезти в соседний город и обратно, наполняла меня невыразимым ужасом.

Я неделями мечтала о том, чтобы вырваться из этого дома во время рабочего дня. Теперь же я была готова на что угодно, лишь бы никуда не ходить. Больничную карту Уилла я нашла среди папок с документами, имеющими отношение к его здоровью, – здоровенных толстых скоросшивателей с заголовками «Транспорт», «Страховка», «Как жить с инвалидностью» и «Врачи». Я вытащила карту и проверила – в ней стояла сегодняшняя дата. Во мне теплилась крошечная надежда, что Уилл ошибся.

– Ваша мать едет с нами?

– Нет. Она не ходит со мной по врачам.

Я не сумела скрыть удивления. Мне казалось, миссис Трейнор стремится контролировать все аспекты лечения своего сына.

– Раньше ходила, – пояснил Уилл. – Но мы заключили соглашение.

– А Натан едет?

Я стояла перед Уиллом на коленях. Я так нервничала, что заляпала его брюки едой, и теперь тщетно пыталась их вытереть, так что изрядная часть промокла насквозь. Уилл ничего не сказал, только попросил меня перестать извиняться, но я все равно продолжала дергаться.

– Зачем?

– Просто так.

Я не хотела, чтобы он знал, как мне страшно. Большую часть утра – обычно посвященную уборке – я читала и перечитывала инструкцию по эксплуатации кресельного подъемника и все же с ужасом ждала момента, когда мне придется взять на себя ответственность и поднять Уилла на два фута в воздух.

– Хватит, Кларк. В чем дело?

– Ладно. Просто... просто я подумала, что на первый раз было бы неплохо, если бы рядом был кто-то опытный.

– В отличие от меня, – сказал он.

– Я не это имела в виду.

– Потому что я не имею ни малейшего представления, как за мной ухаживать?

– Вы умеете управлять подъемником? – спросила я напрямик. – Сможете сказать мне, что именно делать?

Уилл спокойно глядел на меня. Если он готовился к драке, то, похоже, передумал.

– Разумно. Да, Натан едет. Лишняя пара рук не помешает. К тому же я решил, что вы будете меньше психовать, если он будет рядом.

– Я вовсе не психую, – возразила я.

– Ну конечно. – Он глянул на свои колени, которые я продолжала промокать салфеткой. Соус от пасты я убрала, но ткань оставалась мокрой. – Теперь мне припишут недержание мочи?

– Я не закончила. – Я включила фен в розетку и направила раструб ему в промежность.

Уилла обдало горячим воздухом, и он поднял брови.

– Ну да, – сказала я. – У меня тоже были другие планы на вечер пятницы.

– Вы и правда напряжены? – (Я чувствовала, что он изучает меня.) – Выше нос, Кларк. Это мне, а не вам дуют раскаленным воздухом на гениталии.

Я не ответила.

– Да ладно, что такого может случиться? – перекрыл гул фена его голос. – В худшем случае я окажусь в инвалидном кресле.

Возможно, это звучит глупо, но я невольно рассмеялась. Неужели Уилл пытается меня подбодрить?

Снаружи автомобиль выглядел совершенно нормально, но при открытии задней пассажирской дверцы сбоку до самой земли опускался пандус. Под присмотром Натана я направила уличное кресло Уилла – у него было отдельное кресло для поездок – прямо на пандус, проверила электрический тормоз-ограничитель и запрограммировала кресло на медленный подъем в машину. Натан сел на второе пассажирское место, пристегнул Уилла ремнями и зафиксировал колеса. Стараясь унять дрожь в руках, я сняла машину с ручного тормоза и медленно покатила по дорожке к больнице.

Вдали от дома Уилл словно стал меньше. На улице было морозно, и мы с Натаном закутали его в шарф и теплое пальто, но он все равно притих, выпятил подбородок и как-то съжился на открытом пространстве. Каждый раз, когда я поглядывала в зеркало заднего вида, то есть довольно часто, несмотря на то что Натан был рядом, я боялась, что кресло сорвется с креплений. Уилл с непроницаемым видом смотрел в окно. Даже когда машина глохла или резко тормозила, что случалось не раз, он только чуть морщился и ждал, когда я разберусь с управлением.

К тому времени, как мы добрались до больницы, я по крылась испариной. Я три раза объехала больничную парковку, подыскивая самый просторный участок, чтобы дать задний ход, пока не почувствовала, что мужчины начинают терять терпение. Наконец я опустила пандус, и Натан выкатил кресло Уилла на бетонированную площадку.

– Отличная работа! – Натан вышел из машины и хлопнул меня по спине, но мне было трудно ему поверить.

Некоторые вещи не замечаешь, пока не сопровождаешь человека в инвалидном кресле. Например, насколько ужасны почти все мостовые, пестрящие плохо заделанными дырами или просто неровные. Я медленно шла рядом с Уиллом, который ехал самостоятельно, и замечала, как он страдальчески дергается на каждом ухабе и как часто вынужден осторожно объезжать возможные преграды. Натан делал вид, что ничего не замечает, но я знала, что он тоже наблюдает. Уилл просто ехал с мрачным и решительным видом.

Другой неприятный момент – насколько эгоистичны почти все водители. Они паркуются напротив съездов с тротуара или так близко, что инвалидное кресло просто не сможет пролезть. Я была шокирована и пару раз едва не засунула какую-нибудь грубую записку под дворник, но Натан и Уилл, похоже, привыкли. Натан отыскал подходящее место, и мы наконец перешли через дорогу, охраняя Уилла по бокам.

Уилл не произнес ни единого слова, с тех пор как мы вышли из дома.

Сама больница оказалась невысоким сверкающим зданием. Безупречно чистая приемная больше напоминала современный отель, возможно свидетельствуя о частной страховке. Я держалась позади, пока Уилл называл секретарю свое имя, а затем последовала за ним и Натаном по длинному коридору. Натан нес большой рюкзак, в котором лежало все, что теоретически могло понадобиться Уиллу во время короткого визита, от стаканчиков до запасной одежды. Натан собрал его утром у меня на глазах, подробно описывая все возможные неприятности.

«Да, хорошо, что это бывает нечасто», – сказал он, заметив мое потрясенное лицо.

К врачу я не пошла. Мы с Натаном сидели в удобных креслах у кабинета консультанта. Здесь не было больничного запаха, а в вазе на подоконнике стояли свежие цветы. Не какие-нибудь обычные цветы. Огромные экзотические штуковины, названия которых я не знала, искусно собранные в минималистические букеты.

– Чем они там занимаются? – спросила я через полчаса.

– Обычная полугодовая проверка, – оторвался от книги Натан.

– Проверяют, не стало ли ему лучше?

– Ему не становится лучше. – Натан положил книгу. – Поврежден спинной мозг.

– Но ты занимаешься с ним физиотерапией и прочим.

– Только чтобы поддерживать физическую форму, чтобы мышцы не атрофировались, из костей не вымывался кальций, кровь не застаивалась в ногах и так далее. – Когда Натан снова заговорил, его голос был мягким, как будто он опасался меня разочаровать. – Он никогда не будет ходить, Луиза. Чудеса случаются только в голливудских фильмах. Мы всего лишь пытаемся снять боль и сохранить ту скромную подвижность, которая у него есть.

– А Уилл делает то, что ты велишь? В смысле, физиотерапию? По-моему, он не хочет делать ничего, что я предлагаю.

– Делает, но, по-моему, вполсилы. – Натан сморщил нос. – Когда я поступил на работу, он был полон решимости. Реабилитация шла довольно неплохо, но после года без каких-либо улучшений, наверное, сложно верить, что дело того стоит.

– Как по-твоему, он не должен сдаваться?

– Честно? – Натан уставился в пол. – У него квадриплегия C_{5/6}. Это значит, что отсюда и ниже ничего не работает... – Он показал ладонью на верхнюю часть груди. – Спинной мозг пока не научились чинить.

Я смотрела на дверь, думая о лице Уилла, когда мы ехали под зимним солнцем, и о сияющем лице мужчины на фотографии с лыжного курорта.

– Но ведь медицина не стоит на месте? В смысле... в таких заведениях... должны постоянно над этим работать.

– Это неплохая больница, – ровным тоном ответил он.

– Пока живу – надеюсь, да?

– Конечно, – посмотрел на меня Натан и снова уткнулся в книгу.

В четверть третьего по настоянию Натана я отправилась за кофе. Он сказал, что визит может затянуться надолго, и пообещал удерживать форт, пока я не вернусь. Я немного потянула время в приемной, листая журналы в газетном киоске, изучая шоколадные батончики.

Разумеется, на обратном пути я заблудилась и несколько раз спрашивала у медсестер дорогу, причем две из них ничем не смогли мне помочь. Когда я со стынувшим кофе оказалась на месте, в коридоре никого не было. Подойдя ближе, я заметила, что дверь кабинета консультанта приоткрыта. Я помедлила снаружи, но в ушах все время звучал голос миссис Трейнор, требующей, чтобы я не оставляла Уилла одного. Я снова не справилась.

– Итак, увидимся через три месяца, мистер Трейнор, – говорил голос. – Я изменил дозировку лекарств от спазмов, и вам обязательно сообщат по телефону результаты анализов. Возможно, в понедельник.

– Я могу купить их в аптеке внизу? – услышала я голос Уилла.

– Да. Вот рецепт. И эти тоже должны у них быть.

Женский голос:

– Забрать папку?

Я поняла, что дело близится к концу. Постучала, и кто-то велел мне войти. Ко мне повернулись две пары глаз.

– Прошу прощения, – приподнялся консультант со стула. – Я думал, это физиотерапевт.

– Я... сиделка Уилла, – сообщила я, топчась у двери. Натан в это время натягивал на Уилла рубашку. – Простите... Мне показалось, что вы закончили.

– Погодите минутку снаружи, Луиза, – раздался резкий голос Уилла.

Бормоча извинения, я с пылающим лицом попятилась.

Меня поразило не обнаженное тело Уилла, худое и покрытое шрамами. И не слегка недовольный вид консультанта – с таким же видом миссис Трейнор смотрела на меня день за днем, давая понять, что я все та же неуклюжая идиотка, сколько бы мне ни платили в час.

Нет, меня поразили синевато-багровые линии на запястьях Уилла, длинные неровные шрамы, которые невозможно было скрыть, как бы проворно Натан ни опустил рукава рубашки.

6

Снег пошел так неожиданно, что я вышла из дома под ясным синим небом, а менее чем через полчаса миновала замок, похожий на пряничный домик, густо залитый белой глазурью.

Я бесшумно брела по подъездной дорожке, не чувствуя пальцев ног и дрожа в слишком тонком китайском шелковом плаще. Вихрь крупных белых снежинок примчался из чугунно-серой дали, почти скрыв Гранта-хаус, заглушив звуки и неестественно замедлив мир. Машины за аккуратно подстриженной изгородью ехали с новообретенной осторожностью, пешеходы скользили и визжали на мостовых. Я натянула шарф на нос и пожалела, что не надела ничего практичнее балеток и бархатного короткого платья.

К моему удивлению, дверь открыл не Натан, а отец Уилла.

– Он в кровати, – сообщил мистер Трейнор, выглядывая из-под навеса крыльца. – Плохо себя чувствует. Я как раз думал, не позвонить ли врачу.

– А где Натан?

– У него выходной. И как назло, именно сегодня. Чертова медсестра из агентства явилась и умчалась ровно через шесть секунд. Если снег не прекратится, не знаю, что мы станем делать. – Мистер Трейнор пожал плечами, как будто и вправду ничего нельзя было поделать, и скрылся в коридоре, явно довольный, оттого что переложил ответственность на меня. – Вы же знаете, что ему нужно? – крикнул он через плечо.

Я сняла плащ и туфли и, поскольку знала, что миссис Трейнор в суде – она отметила соответствующие даты в расписании на кухне Уилла, – повесила мокрые носки на батарею. В корзине с чистым бельем нашлись носки Уилла. На мне они выглядели до смешного большими, но как же приятно было держать ноги сухими и в тепле! Уилл не ответил на мое приветствие, так что через некоторое время я приготовила ему попить, тихонько постучала и заглянула в дверь. В тусклом свете я с трудом разобрала очертания фигуры под одеялом. Он крепко спал. Я сделала шаг назад, закрыла за собой дверь и приступила к своим утренним обязанностям.

Моя мать, похоже, испытывала почти физическое удовлетворение от идеально прибранного дома. Я уже месяц пылесосила и убиралась каждый день, но до сих пор не понимала, что в этом хорошего. Наверное, я никогда не доживу до момента, когда буду рада свалить уборку на кого-нибудь другого.

Но в такой день, как сегодня, когда Уилл был прикован к постели, а внешний мир словно замер, мне удалось обнаружить своего рода созерцательное удовольствие в том, чтобы пройтись с тряпкой от одного конца флигеля до другого. Я протирала пыль, пылесосила и таскала за собой из комнаты в комнату радио, включив его совсем тихо, чтобы не потревожить Уилла. Время от времени я заглядывала к нему в комнату, просто чтобы удостовериться, что он дышит, и только к часу дня начала немного беспокоиться, когда он так и не проснулся.

Я наполнила дровяную корзину, отметив, что выпало уже несколько дюймов снега. Приготовила Уиллу свежее питье и постучала. Затем постучала еще раз, погромче.

– Да? – Голос был хриплым, как будто я его разбудила.

– Это я. Луиза, – добавила я, потому что он не ответил. – Можно войти?

– По-вашему, я тут танец семи покрывал²⁹ танцую?

В комнате было темно, шторы до сих пор задернуты. Я вошла и подождала, пока привскнут глаза. Уилл лежал на боку, одна рука согнута, словно он пытался приподняться, как и в прошлый раз, когда я заглядывала в комнату. Иногда было так легко забыть, что он не способен перевернуться самостоятельно. Его волосы торчали вбок, а одеяло было аккуратно

²⁹ *Танец семи покрывал* – согласно Оскару Уайльду, автору пьесы «Саломея», тот самый обольстительный танец, в награду за который Саломея попросила у Ирода голову Иоанна Крестителя.

подоткнуто. Запах теплого немытого мужского тела наполнял комнату – не то чтобы неприятный, но довольно странный для рабочего дня.

– Что-нибудь нужно? Хотите попить?

– Мне нужно сменить позу.

Я поставила питье на комод и подошла к кровати.

– Что... что я должна сделать?

Он старательно сглотнул, как будто ему было больно.

– Поднимите и переверните меня, затем поднимите спинку кровати. Смотрите... – Он кивнул, чтобы я подошла ближе. – Обхватите меня руками, сцепите кисти и тяните назад. Спиной прижимайтесь к кровати, чтобы не надорвать поясницу.

Разумеется, мне было не по себе. Я обняла Уилла, его запах наполнил мои ноздри, теплая кожа прижалась к моей. Сложно было быть еще ближе, разве что я начала бы покусывать его за ухо. При этой мысли мне захотелось истерично засмеяться, но я удержалась.

– Что?

– Ничего.

Я глубоко вдохнула, сцепила кисти и устроилась поудобнее. Он был шире, чем я ожидала, и почему-то тяжелее. Я сосчитала до трех и потянула назад.

– О боже! – фыркнул он мне в плечо.

– Что? – Я едва не уронила его.

– У вас ледяные руки.

– Ага. Если бы вы удосужились выбраться из кровати, то знали бы, что на улице идет снег.

Я наполовину шутила, но вдруг осознала, что его кожа горячая под футболкой – жар так и шел глубоко изнутри. Уилл слегка застонал, когда я уложила его на подушку, а ведь я старалась действовать как можно медленнее и осторожнее. Он указал на устройство дистанционного управления, которое должно было приподнять его голову и плечи.

– Только не сильно, – пробормотал он. – Голова кружится.

Не обращая внимания на вялые протесты, я включила прикроватную лампу, чтобы рассмотреть его лицо.

– Уилл... вы хорошо себя чувствуете? – Мне пришлось повторить вопрос дважды, прежде чем он ответил:

– Не лучший денек.

– Вам нужно обезболивающее?

– Да... и сильное.

– Как насчет парацетамола?

Он со вздохом откинулся на прохладную подушку.

Я подала ему стаканчик и проследила, чтобы он сделал глоток.

– Спасибо, – сказал он, и внезапно мне стало не по себе.

Уилл никогда меня не благодарил.

Он закрыл глаза, и некоторое время я просто стояла в дверях и смотрела на него. Его грудь вздымалась и опадала под футболкой, рот был слегка приоткрыт. Его дыхание было поверхностным и, возможно, чуть более затрудненным, чем в другие дни. Но я никогда не видела его не в кресле. Возможно, это как-то связано с давлением, когда он лежит на спине?

– Идите, – пробормотал он.

Я вышла.

Я прочитала журнал, поднимая голову, только чтобы посмотреть, как снег засыпает дом, ложится пушистыми сугробами на подоконники. В половине первого мама прислала эсэмэску, что отец не смог выехать на дорогу. «Позвони перед выходом», – потребовала она. Интересно, что она собиралась сделать? Отправить папу навстречу с санками и сенбернарм?

Я прослушала по радио местные новости об автомобильных пробках, задержках поездов и временном закрытии школ, вызванных внезапным бураном. Затем вернулась в комнату Уилла и осмотрела его еще раз. Цвет его кожи мне не понравился. Он был бледен, а на скулах горели алые пятна.

– Уилл? – тихо окликнула я.

Он не пошевелился.

– Уилл?

Я начала испытывать легкие приступы паники. Я еще два раза позвала его по имени, громко. Ответа не было. Наконец я склонилась над ним. Его лицо было неподвижным, грудь, кажется, тоже. Дыхание. Я наверняка смогу почувствовать его дыхание. Я всмотрелась в его лицо, пытаясь уловить вдох. Ничего. Я осторожно коснулась его лица рукой.

Он вздрогнул, его глаза распахнулись всего в нескольких дюймах от моих.

– Простите, – отшатнулась я.

Он заморгал и оглядел комнату, как будто был вдали от дома.

– Я Лу, – сообщила я, когда мне показалось, что он меня не узнает.

– Я в курсе. – На его лице было написано легкое раздражение.

– Хотите супа?

– Нет. Спасибо. – Он закрыл глаза.

– Еще обезболивающего?

Его скулы чуть блестели от пота. Я пощупала одеяло, и оно показалось мне горячим и влажным. Я занервничала.

– Я могу чем-нибудь помочь? В смысле, если Натан не приедет?

– Нет... Все в порядке, – пробормотал он и снова закрыл глаза.

Я пролистала папку на случай, если что-то забыла. Открыла шкафчик с лекарствами, коробки с резиновыми перчатками и марлевыми повязками и поняла, что даже не представляю, как мне быть. Я позвонила по интеркому отцу Уилла, но звонок растворился в пустом доме. Его эхо гуляло за дверью флигеля.

Я собиралась позвонить миссис Трейнор, когда открылась задняя дверь и вошел Натан, закутанный и неуклюжий. Шерстяной шарф и шапка закрывали его голову почти целиком. Вместе с ним в дом ворвался порыв холодного воздуха и легкий вихрь снега.

– Привет! – Натан стряхнул снег с ботинок и захлопнул за собой дверь.

Казалось, дом внезапно очнулся от сна.

– Слава богу, ты здесь! – воскликнула я. – Уилл не здоров. Проспал большую часть утра и почти ничего не пил. Не представляю, что делать.

– Пришлось идти пешком. – Натан сбросил пальто. – Автобусы не ходят.

Я занялась чаем, а Натан пошел проведать Уилла. Он вернулся еще до того, как чайник вскипел.

– Он весь горит. Давно?

– Все утро. Я подозревала, что у него жар, но он сказал, что просто хочет поспать.

– О господи! Все утро? Разве ты не знаешь, что его тело не может регулировать свою температуру? – Натан протиснулся мимо меня и принялся рыться в шкафчике с лекарствами. – Антибиотики. Сильные.

Он схватил флакончик, выудил таблетку и принялся яростно растирать ее пестиком в ступке.

Я маячила у него за спиной.

– Я дала ему парацетамол.

– А почему не карамельку?

– Я не знала. Никто не сказал. Я закутала его потеплее.

– Все есть в чертовой папке. Послушай, Уилл не может потеть, как мы с тобой. Фактически он вообще не потеет от места повреждения и ниже. Это значит, что стоит ему чуть простудиться, и температура взмывает до небес. Сходи поищи вентилятор. Поставим в комнату, пока Уилл не остынет. И влажное полотенце, чтобы положить на затылок. Мы не сможем вызвать врача, пока не кончится снег. Чертова медсестра из агентства! Не могла отследить это утром!

Никогда не видела Натана таким злым. Он со мной даже толком не разговаривал.

Я бросилась за вентилятором.

Понадобилось почти сорок минут, чтобы сбить температуру Уилла до приемлемого уровня. Ожидая, пока подействует сверхсильное лекарство от жара, я положила полотенце ему на лоб, а второе обернула вокруг шеи, как велел Натан. Мы раздели Уилла, накрыли его грудь тонкой хлопковой простыней, направив на нее вентилятор. Без рукавов шрамы на его запястьях особенно бросались в глаза. Мы оба делали вид, что я ничего не замечаю.

Уилл сносил всю эту суету почти молча, односложно отвечая на вопросы Натана, иногда совсем неразборчиво, и мне казалось, будто он сам не понимает, что говорит. На свету стало очевидно, что он по-настоящему, ужасно болен, и мне было нестерпимо стыдно, что я этого не поняла. Я извинялась, пока Натана это не начало раздражать.

– Ладно, – сказал он. – Смотри, что я делаю. Возможно, позже тебе придется делать это самой.

Я не посмела возразить. Но все равно меня затошнило, когда Натан приспустил пижамные штаны Уилла, обнажив бледную полоску кожи, аккуратно снял марлевую повязку с маленькой трубочки в его животе, осторожно ее почистил и заменил повязку. Он показал мне, как менять пакет на кровати, объяснил, почему тот всегда должен находиться ниже тела Уилла, и я сама удивилась, как невозмутимо вышла из комнаты с пакетом теплой жидкости. Я была рада, что Уилл толком не смотрит на меня. Мне казалось: он бы тоже смутился, оттого что я стала свидетельницей столь интимного момента.

– Готово, – сказал Натан.

Наконец спустя час Уилл задремал на чистых хлопковых простынях и казался пусть и не вполне здоровым, но хотя бы не безнадежно больным.

– Пусть поспит. Но через пару часов разбуди его и влей стаканчик жидкости. В пять дашь лекарства от жара. В последний час его температура, наверное, подскочит, но до пяти ничего не давай.

Я все записала в блокноте. Боялась что-нибудь напутать.

– Вечером тебе придется повторить все самой. Сможешь? – Натан закутался, как эскимос, и вышел в снегопад. – Прочти чертову папку. И ничего не бойся. Если возникнут проблемы, просто позвони. Я все подробно объясню. И вернусь, если это действительно понадобится.

После ухода Натана я осталась в комнате Уилла. Я слишком боялась, чтобы уйти. В углу стояло старое кожаное кресло с лампой для чтения – наверное, из прошлой жизни Уилла, – и я свернулась на нем с книгой рассказов, которую достала из шкафа.

Комната казалась на удивление мирной. Сквозь щель в шторах виднелся внешний мир, неподвижный и прекрасный под белым покрывалом. В комнате было тепло и тихо, и лишь гул и шипение центрального отопления порой нарушали течение моих мыслей. Я читала, время от времени поднимая глаза, чтобы посмотреть, как безмятежно спит Уилл. Я поняла, что впервые в жизни просто сижу в тишине и ничего не делаю. В нашем доме с его безостановочным гулом пылесоса, бормотанием телевизора и воплями не могло быть и речи о тишине. В редкие минуты, когда телевизор был выключен, папа врубал на полную мощность старые записи Элвиса. В кафе тоже стоял сплошной шум и гам.

А здесь я могла слышать собственные мысли. Я почти слышала, как бьется мое сердце. Удивительно, но мне это понравилось.

В пять часов на мой мобильный пришло сообщение. Уилл пошевелился, и я вскочила с кресла и бросилась к телефону, чтобы не потревожить пациента.

Отменили поезда. Вы не могли бы остаться на ночь?

Натан не может. Камилла Трейнор.

Неожиданно для себя я напечатала ответ:

Без проблем.

Я позвонила родителям и сказала, что остаюсь. Мать, похоже, испытала облегчение. Когда я добавила, что за ночевку мне заплатят, она развеселилась окончательно.

– Ты это слышал, Бернارد? – Мама неплотно прикрыла трубку ладонью. – Ей платят за то, что она спит.

– Хвала Господу! – раздалось восклицание отца. – Она нашла работу своей мечты.

Я послала Патрику сообщение, что меня попросили остаться на работе и я позвоню ему позже. Ответ пришел через несколько секунд.

Сегодня вечером у меня снежный кросс. Отличная подготовка к Норвегии! Целую, П.

Я поразилась, как можно приходить в такой восторг от мысли бегать при температуре ниже нуля в тренировочных штанах и майке.

Уилл спал. Я приготовила себе поесть и разморозила немного супа, а вдруг он проголодается. Развела огонь на случай, если ему станет достаточно хорошо, чтобы выйти в гостиную. Прочитала очередной рассказ и попыталась вспомнить, как давно в последний раз покупала книгу. В детстве я любила читать, но с тех пор, похоже, читала только журналы. Трина – та любила читать. Словно я вторгалась на ее территорию, беря в руки книгу. Я подумала о том, что они с Томасом уедут в университет, и поняла, что до сих пор не знаю, радостно мне от этого или грустно... или нечто среднее, более сложное.

Натан позвонил в семь. Похоже, он обрадовался, что я останусь на ночь.

– Я не смогла разбудить мистера Трейнора. Я даже позвонила на домашний телефон, но он сразу переключился на автоответчик.

– Ага. Да. Его не будет дома.

– Не будет?

Я инстинктивно испугалась при мысли, что мы с Уиллом останемся одни на всю ночь. Я боялась совершить еще одну роковую ошибку, поставив под угрозу здоровье Уилла.

– Может, мне позвонить миссис Трейнор?

Короткая пауза в трубке.

– Нет. Лучше не надо.

– Но...

– Послушай, Лу, он часто... часто куда-нибудь уходит, когда миссис Ти ночует в городе. До меня дошло только через минуту или две.

– Ой!

– Хорошо, что ты останешься, вот и все. Если ты уверена, что Уилл выглядит лучше, я вернусь рано утром.

Бывают здоровые часы, а бывают часы больные, когда время еле тянется и глохнет, когда жизнь – настоящая жизнь – бурлит где-то вдалеке. Я посмотрела телевизор, поела и прибралась на кухне, бесшумно передвигаясь по флигелю. Наконец я позволила себе вернуться в комнату Уилла.

Он пошевелился, когда я закрыла дверь, и приподнял голову.

– Сколько времени, Кларк? – Подушка слегка приглушала его слова.

– Четверть девятого.

Уилл уронил голову и переварил услышанное.

– Можно попить?

В нем больше не было резкости, не было злости. Казалось, болезнь наконец сделала его уязвимым. Я дала ему попить и включила прикроватную лампу. Затем присела на край кровати и пощупала его лоб, как, наверное, делала моя мать, когда я была ребенком. Лоб все еще был слишком теплым, но не шел ни в какое сравнение с тем, что было.

– У вас руки холодные.

– Вы уже жаловались.

– Правда? – похоже, искренне удивился он.

– Хотите супа?

– Нет.

– Вам удобно?

Я никогда не знала, насколько ему в действительности неудобно, но подозревала, что он делает хорошую мину при плохой игре.

– Хотелось бы перевернуться на другой бок. Просто перекатите меня. Сажать не надо.

Я перелезла через кровать и повернула его на другой бок, как можно осторожнее. От него больше не веяло зловещим жаром – только обычным теплом тела, согретого одеялом.

– Что-нибудь еще?

– Разве вам не пора домой?

– Все в порядке, – ответила я. – Я остаюсь.

На улице давно погасли последние отблески света. Снег за окном продолжал сыпаться. Отдельные снежинки купались в меланхоличном бледном золоте фонаря на крыльце. Мы сидели в безмятежной тишине и наблюдали за гипнотическим снегопадом.

– Можно задать вам вопрос? – наконец спросила я.

Его ладони лежали поверх простыни. Казалось странным, что они выглядят такими обыкновенными, такими сильными, – и все же совершенно бесполезны.

– Вряд ли я смогу вам помешать.

– Что случилось? – Я не переставала думать об отметидах на его запястьях. Это был единственный вопрос, который я не могла задать напрямую.

– Как я стал таким? – Уилл открыл один глаз.

Я кивнула, и он снова закрыл глаза.

– Мотоцикл. Чужой. Я был невинным пешеходом.

– Я думала, лыжи, или тарзанка, или что-нибудь в этом роде.

– Все так думают. У Бога хорошее чувство юмора. Я переходил дорогу у своего дома. Не этого дома, – уточнил он. – Моего лондонского дома.

Я взглянула на книги в шкафу. Среди романов – замусоленных томиков в бумажной обложке издательства «Пингвин букс» – встречались и книги по бизнесу: «Корпоративное право», «Поглощение», перечни незнакомых имен.

– И вам пришлось отказаться от работы?

– От работы, от квартиры, от развлечений, от прежней жизни... Кажется, вы знакомы с моей бывшей девушкой. – Пауза не смогла скрыть горечи. – Но мне, несомненно, следует быть благодарным, ведь в какой-то момент врачи не верили, что смогут сохранить мне жизнь.

– Вы это ненавидите? В смысле, жить здесь?

– Да.

– А вы когда-нибудь сможете вернуться в Лондон?

– В таком виде – нет.

– Но вам может стать лучше. То есть Натан говорит, что в лечении подобных травм добились большого прогресса.

Уилл снова закрыл глаза.

Я немного подождала и поправила подушку за его головой и одеяло на груди.

– Простите, если задаю слишком много вопросов. – Я села прямо. – Хотите, чтобы я ушла?

– Нет. Оставайтесь еще. Поговорите со мной. – Уилл сглотнул. Его глаза снова открылись, и он поймал мой взгляд. Он выглядел невыносимо уставшим. – Расскажите мне что-нибудь хорошее.

Помедлив мгновение, я откинулась на подушки рядом с ним. Мы сидели почти в темноте и смотрели, как снежинки на мгновение вспыхивают в лучах света и исчезают во мраке ночи.

– Знаете... я просила папу о том же, – наконец откликнулась я. – Но если я расскажу вам, что он говорил в ответ, вы подумаете, будто я сумасшедшая.

– Еще более сумасшедшая, чем мне кажется?

– Если мне снился кошмар, или было грустно, или я чего-то боялась, он пел мне... – засмеялась я. – Ой... я не могу.

– Говорите.

– Он пел мне «Песню Абизьянки».

– Что?

– «Песню Абизьянки». Я думала, ее все знают.

– Поверьте, Кларк, – пробормотал он, – я впервые о ней слышу.

Я глубоко вдохнула, закрыла глаза и запела:

Я хочу жить в краю Абизьянки.
В жаркий полдень я в нем был рожден.
И на банджо играть чужестранке,
Моем банджо престаро-ро-ром.

– Господи Иисусе.

Я вдохнула еще раз:

Раз я банджо отнес в мастерскую.
Может, смогут его починить,
А они ни-ни-ни ни в какую —
Эти струны нельзя заменить.

Последовало недолгое молчание.

– Вы сумасшедшая. Вся ваша семья сумасшедшая.

– Но это помогало.

– И вы ужасно поете. Надеюсь, ваш папа пел лучше.

– По-моему, вы хотели сказать: «Спасибо, мисс Кларк, за попытку меня развлечь».

– Полагаю, она ничуть не хуже психотерапевтической помощи, которую я получаю. Хорошо, Кларк, расскажите что-нибудь еще. Только не пойте.

– Гм... – Я немного поразмыслила. – Ну ладно... вы заметили на днях мои туфли?

– Трудно было не заметить.

– В общем, мама утверждает, что моя любовь к странной обуви началась в три года. Она купила мне бирюзовые резиновые сапожки, усыпанные блестками... Тогда это была большая редкость... Дети носили простые зеленые сапожки или красные, если повезет. И по ее словам, я носила их не снимая. Я ложилась в них в кровать, купалась, все лето ходила в них в детский сад. Эти блестящие сапожки и пчелиные колготки были моим любимым сочетанием.

– Пчелиные колготки?

– В черно-желтую полоску.

– Великолепно.

– Только не надо грубить.

– Я не грублю. Это звучит отвратительно.

– Может, для вас это и звучит отвратительно, Уилл Трейнор, но, как ни странно, не все девушки одеваются, чтобы понравиться мужчинам.

– Бред.

– Вовсе нет.

– Все, что женщины делают, – ради мужчин. Все, что люди делают, – ради секса. Вы разве не читали «Красную королеву»?³⁰

– Понятия не имею, о чем вы говорите. Но могу заверить, что сижу у вас на кровати и пою «Песню Абизьянки» не потому, что пытаюсь вас соблазнить. А когда мне было три года, я очень-очень любила полосатые ноги.

Я осознала, что тревога, которая терзала меня весь день, с каждым замечанием Уилла постепенно отступает. На мне больше не лежала вся полнота ответственности за бедного квадриплегика. Я просто сидела и болтала с исключительно саркастичным парнем.

– И что же случилось с этими великолепными блестящими сапожками?

– Маме пришлось их выкинуть. Я заработала ужасный грибок стоп.

– Прелестно.

– И колготки она тоже выкинула.

– Почему?

– Я так и не узнала. Но это разбило мне сердце. Я больше не встречала колготок, которые полюбила бы так же сильно. Их больше не делают. А может, делают, но не для взрослых женщин.

– Странно.

– Смейтесь-смейтесь! Неужели вы ничего не любили так сильно?

Я почти не видела его, комната погрузилась в темноту. Можно было включить лампу над головой, но что-то меня остановило. И я пожалела о своих словах, как только поняла, что именно сказала.

– Отчего же, – тихо ответил он. – Любил.

Мы еще немного поговорили, а затем Уилл задремал. Я лежала рядом, следила, как он дышит, и время от времени гадала, что он скажет, если проснется и обнаружит, что я смотрю на него, на его отросшие волосы, усталые глаза и жидкую бороденку. Но я не могла пошевелиться. Я словно оказалась на сюрреалистическом острове в реке времени. В доме не было никого, кроме нас, и я все еще боялась оставить его одного.

Вскоре после одиннадцати я заметила, что Уилл снова начинает потеть, а дыхание его становится поверхностным. Я разбудила его и заставила принять лекарство от жара. Он ничего не сказал, только пробормотал «спасибо». Я поменяла верхнюю простыню и наволочку, а когда он наконец снова заснул, легла на расстоянии фута от него и спустя немало времени тоже заснула.

³⁰ «Красная королева: секс и эволюция человеческой природы» – книга английского биолога и журналиста, автора популярных книг о науке, экономике и окружающей среде Мэтта Ридли (р. 1958), посвященная эволюционной «Гипотезе Красной королевы», связанной с половым отбором.

Я проснулась от звука собственного имени. Я находилась в школе, заснула за партой, и учительница барабанила по классной доске, повторяя мое имя снова и снова. Я знала, что должна быть внимательной, знала, что учительница сочтет мой сон актом неповиновения, но не могла оторвать голову от парты.

– Луиза.

– Мм... Хррр.

– Луиза.

Парта была ужасно мягкой. Я открыла глаза. Надо мной весьма выразительно шипели:

– Луиза.

Я лежала в кровати. Я заморгала, сфокусировала взгляд и, посмотрев вверх, увидела Камиллу Трейнор. На ней было тяжелое шерстяное пальто и сумка через плечо.

– Луиза.

Я рывком села. Рядом со мной под покрывалами с полуоткрытым ртом и согнутой под прямым углом рукой спал Уилл. Через окно сочился свет, свидетельствовавший о холодном и ясном утре.

– Уф!

– Что вы делаете?

Казалось, меня застучали за чем-то ужасным. Я потерла лицо, пытаясь собраться с мыслями. Почему я здесь? Что мне ей ответить?

– Что вы делаете в кровати Уилла?

– Уилл... – тихо сказала я. – Уилл был нездоров... И я подумала, что за ним лучше присматривать...

– Что значит «нездоров»? Давайте выйдем в коридор. – Она решительно вышла из комнаты, явно ожидая, что я брошусь следом.

Я повиновалась, пытаясь поправить одежду. У меня было ужасное подозрение, что косметика размазалась по всему лицу.

Миссис Трейнор закрыла за мной дверь спальни Уилла.

Я стояла перед ней, пытаясь пригладить волосы и собираясь с мыслями.

– У Уилла была температура. Натан сбил ее, когда пришел, но я ничего не знала об этой его регуляции и решила за ним присматривать... Натан сказал, что я должна за ним присматривать... – Мой голос был слабым и вялым. Я даже не была уверена, что говорю связно.

– Почему вы мне не позвонили? Если Уилл был болен, вы должны были немедленно позвонить мне. Или мистеру Трейнору.

В этот миг все шестеренки в моей голове встали на свои места. «Мистер Трейнор. О боже». Я посмотрела на часы. Было четверть восьмого.

– Я не... по-моему, Натан...

– Послушайте, Луиза. В этом нет ничего сложного. Если Уилл настолько болен, что вы спали в его комнате, вы должны были связаться со мной.

– Да. – Я моргала, глядя в пол.

– Я не понимаю, почему вы не позвонили. Вы пытались позвонить мистеру Трейнору?

«Натан велел ничего не говорить».

– Я...

В этот миг дверь флигеля отворилась, и вошел мистер Трейнор с газетой под мышкой.

– Ты вернулась! – обратился он к жене, смахивая снежинки с плеч. – А я только что выбрался за газетой и молоком. Дороги просто ужасные. Пришлось идти окольным путем до Хансфорд-Корнер, чтобы обойти ледяные участки.

Миссис Трейнор посмотрела на него, и я на мгновение задумалась, заметила ли она, что на нем та же рубашка и джемпер, что и вчера.

– Ты в курсе, что Уиллу ночью было плохо?

Мистер Трейнор посмотрел на меня. Я опустила взгляд. Кажется, мне еще никогда не было настолько не по себе.

– Вы пытались мне позвонить, Луиза? Ради бога, простите... Я ничего не слышал. Похоже, интерком шалит. Я уже пару раз пропускал звонки в последнее время. К тому же мне самому было нехорошо прошлой ночью. Мгновенно отрубился.

На мне все еще были носки Уилла. Я уставилась на них. Интересно, миссис Трейнор осудит меня и за это?

Но она, похоже, отвлеклась.

– Дорога домой была долгой. Что ж... не стану вам мешать. Но если подобное повторится, немедленно позвоните мне. Ясно?

Мне не хотелось смотреть на мистера Трейнора.

– Ясно, – ответила я и ретировалась на кухню.

7

Весна пришла мгновенно, и зима, подобно незваному гостю, резко натянула пальто и исчезла, не попрощавшись. Повсюду распускалась листва, дороги купались в прозрачном солнечном свете, а воздух внезапно наполнился благоуханием. В нем чувствовалось что-то цветочное и дружелюбное, а птичье пение создавало приятный тихий фон.

Я ничего не замечала. Прошлым вечером я осталась у Патрика дома. Мы виделись впервые за неделю из-за усиленного расписания его тренировок, но, проведя сорок минут в ванне с полпачки морской соли, он так устал, что почти не разговаривал со мной. Я принялась гладить его по спине в редкой попытке соблазнения, но он пробормотал, что действительно очень устал, и дернул ладонью, как бы пытаясь от меня отмахнуться. Через четыре часа я все еще лежала без сна и с досадой глядела в потолок.

Мы с Патриком познакомились, когда я работала стажером в универсальной парикмахерской Хейлсбери «На гребне волны». Это была моя единственная работа до «Булочки с маслом». Он зашел, когда Саманта, хозяйка, была занята, и попросил стрижку номер четыре. Позже он описывал мое творение не просто как худшую стрижку в его жизни, а как худшую стрижку в истории человечества. Через три месяца, осознав, что привычка возиться с собственными волосами вовсе не означает, что я могу причесывать других, я уволилась и поступила в кафе к Фрэнку.

Когда мы начали встречаться, Патрик занимался торговлей и его интересовали пиво, шоколад ручной работы, разговоры про спорт и секс (занятие сексом, а не разговоры) – именно в таком порядке. Приятно проведенный вечер мог включать все четыре увлечения. Он выглядел скорее обычно, чем привлекательно, и задница у него была толще, чем у меня, но мне это нравилось. Нравилась его основательность, нравилось обвиваться вокруг него. Его отец умер, и мне было по душе его отношение к матери, внимательное и заботливое. А его четыре брата и сестры напоминали Уолтонов³¹. Казалось, они действительно любят друг друга. На нашем первом свидании внутренний голос сказал мне: «Этот мужчина никогда тебя не обидит», и за последующие семь лет я ни разу в том не усомнилась.

А потом он превратился в Марафонца.

Живот Патрика больше не проминался, когда я на нем устраивалась, а стал жестким и крепким, как доска, и Патрик любил задира́ть рубашку и тыкать в него разными вещами, чтобы показать, насколько он твердый. Лицо Патрика стало чеканным и обветренным от постоянного пребывания на улице. Бедрa налились мышцами. Это было бы довольно сексуально, если бы он хотел секса. Но теперь мы занимались любовью всего пару раз в месяц, а я не из тех, кто навязывается.

Казалось, чем спортивнее Патрик становится, тем больше его интересуют собственные формы и тем меньше – мои. Пару раз я спрашивала, нравлюсь ли ему еще, но он отвечал вполне определенно.

«Ты роскошна, – говорил он. – Просто у меня совершенно нет сил. В любом случае не вздумай худеть. Девчонки в клубе... у них не наберется и одной приличной сиськи на всех».

Мне хотелось спросить, как он пришел к этому математическому заключению, но, в общем-то, это был комплимент, так что я решила не уточнять.

Мне хотелось разделять его интересы, правда хотелось. Я ходила на вечера клуба любителей триатлона, где пыталась болтать с другими девушками. Но вскоре поняла, что я аномалия – единственная обычная девушка. Все остальные члены клуба были одиноки или встреча-

³¹ «Уолтоны» – американский телесериал, основанный на одноименной книге Гора Спенсера о жизни бедной вирджинской семьи в период Великой депрессии; транслировался с 1972 по 1981 год.

лись с кем-то не менее развитым физически. Пары боксировали на тренировках, планировали выходные в шортах из спандекса и носили в бумажнике фотографии, на которых финишировали рука в руке либо хвастались командными медалями. Это было невыносимо.

– Не понимаю, на что ты жалуешься, – заявила сестра, когда я рассказала ей об этом. – После рождения Томаса я занималась сексом всего один раз.

– Что? С кем?

– С каким-то типом, который явился за «ярким букетом ручной работы», – ответила она. – Просто хотела проверить, что не разучилась. Только не надо так смотреть, – добавила она, когда у меня отвисла челюсть. – Это было в нерабочее время. А букет предназначался для похорон. Если бы он покупал цветы жене, разумеется, я не стала бы шлепать его гладиолусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.